

Муниципальное учреждение
Централизованная библиотечная система им. Н.В.Гоголя
Новокузнецкий городской
клуб любителей фантастики
«КОНТАКТ»

Анна ЧЕРНЫШЕВА

После дождя

Рассказы

Составитель – Н. Н. Калашников

Новокузнецк
2010

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-4
Ч 49

Чернышева Анна Анатольевна

После дождя : рассказы / Анна Чернышева ; составитель и ответственный за выпуск – Калашников Н. Н. ; Муниципальное учреждение Централизованная библиотечная система им. Н. В. Гоголя, Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк, 2010 . – 68 с. : ил., портр.

©Анна Чернышева
©Рисунок на обложке Валерия Колотвина
©Рисунок в тексте Константина Егорова

ЧЕРНЫШЕВА Анна Анатольевна родилась 1 мая 1975 г. в Новокузнецке. Закончила исторический факультет Кузбасской государственной педагогической академии. Инвалид. Передвигается на коляске. Достаточно тесное общение с КЛФ "Контакт" с 2001 года. Первая публикация – сказка «Босиком за Василисой» – в сборнике «Люди в квадрате: Проза «Контакта» (Новокузнецк, 2004). В 2008 году Новокузнецким полиграфкомбинатом выпущена книга исторических и мистико-исторических рассказов Анны Чернышевой «Будущие воспоминания».

Память металла

2005 год, где-то в западной Европе

Красный экскурсионный автобус пыхтел, петляя по идеально ровным европейским дорогам. Большинство пассажиров спали после перелёта и утомительной таможенной мороки. Только двое на первом, за водительским, сиденье перешёптывались:

– Вы уже бывали раньше где-нибудь за границей? – спрашивала у своего соседа симпатичная девушка с весёлыми светлыми кудряшками.

– Когда мне, – пожал плечами крепкий, широкоплечий парень с коротко стриженной головой. – Я все служил: то так, то по контракту.

– А сейчас? Контракт кончился?

– Один кончился, хотел уже подписать новый, да получил боевые, и Ванька уговорил сразу их потратить. «Езжай, – говорит, – посмотри, как нормальные люди живут».

– Ваш друг – агент турфирмы?

– Мой друг – пацифист! Всё пытается убедить меня бросить военную службу.

– И что, ему удаётся? – лукаво сощурилась девушка.

– Какой там! – поморщился парень. – Сам не понимаю, зачем согласился шастать по музеям. Уж лучше бы сидел в распоряжении части. Всё просто и понятно.

– Рано делать выводы, – напомнила блондинка. – Мы ещё ни в одном музее не были! Вот доберёмся до замка, побродим среди древних камней, может, что и изменится.

– Кое-какие перемены просто не могут ждать так долго, – улыбнулся контрактник. – Нам с вами срочно нужно познакомиться! Меня зовут Андрей.

– Лена, – кокетливо улыбнулась девушка.

Каменные стены средневекового замка не произвели на Андрея никакого впечатления:

– Развалины как развалины.

Внутри он и вовсе идти не хотел, нимало не интересуясь суровым бытом рыцарских времён. Ему хотелось добраться до гостиницы и завалиться спать. Он равнодушно наблюдал, как экскурсовод азартно тыкала указкой в большие тёмные картины, затейливые канделябры, восхищённо указывала на нелепые железные доспехи. Она хорошо говорила по-русски, но туриста мало занимал её рассказ. Контрактник маялся от скуки, даже постучал по круглому шлему одного из

уморительно маленьких рыцарей. Гулкое эхо отозвалось под сводами высоченного потолка. Кольчужная перчатка железного вояки опиралась на непомерно длинный для него меч. Андрей не удержался, взялся за рукоять, поднял тяжелое старинное оружие. Холодная рукоять удивительно удобно легла в ладонь...

...Сражение было страшно. Через щель забрала огромное поле боя казалось зажатым в узкой шахте, кишашей людскими телами. Ряды уже давно смешались, и воины, сошедшиеся в рукопашной, были неотличимы друг от друга. Только кое-где над людской массой гордо возвышались яркие полотнища знамен. Вокруг всё было коричневым от крови и грязи и серым в цвет стали доспехов и клинков. Весь закованный в железные доспехи рыцарь привстал в стремени, широко замахнулся мечом, едва успел заметить вражеского лучника, вставшего на одно колено и метившего снизу точно в открытое забрало. Рыцарь резко натянул поводья, поднял коня на дыбы. Защитив всадника, животное дрогнуло всем телом, осело на задние ноги... Стрела попала в незащищенное брюхо.

Закованный в доспехи рыцарь стал стремительно падать назад, вскинул руки, напрасно пытаясь удержать равновесие. Перед глазами скользнуло низкое серое осеннее небо. Он со всего маху грянулся о землю. Под голову попал большой камень, и жёсткий шлем не смягчил удар. Белый свет померк...

...Андрей даже головой потряс. Примерещится же такое! Кони, доспехи, чушь какая! Он засунул меч обратно в подставку. Приняв его движение за явный интерес, экскурсовод стала рассказывать:

– С этим оружием связана целая легенда. Местные жители нашли его в глубоком овраге, на дне пересохшего ручья. К тому времени в этих местах уже пару веков не было никаких сражений. Оставалось гадать, откуда там взялся этот меч; казалось, что владелец бросил его и уехал. Но такого просто быть не могло: исследование показало, что это оружие огромной стоимости, целое состояние для средневекового человека.

– Неужели кому-то охота возиться со старыми железками? – недоверчиво ухмыльнулся парень.

– Если б никто этим не занимался, – резонно заметила Лена, любящая собственным отражением в старинном зеркале, – нам бы сейчас не на что было бы посмотреть.

– Вот горе-то. Я бы уж точно пережил отсутствие этой старомодной рухляди.

Экскурсовод обернулась к ним, прижала палец к губам:

- Тише, духи прошлого требуют уважения.
- За что их уважать? – возмутился контрактник. – Их время давно прошло. Лучше бы привели нас в музей современных вооружений.
- Современным оружием славится Россия, там и музеи, – обиделась экскурсовод, – а в нашем замке главное – история.
- Что от неё толку.
- Без истории нет будущего.
- На моё будущее ваша история повлиять не может, – самоуверенно заявил парень.
- Как знать, как знать.

Экскурсия потянулась в другие залы, петляла между столов, комодов и резных сундуков. Андрей откровенно скучал. Когда на обратном пути он вновь проходил мимо старых доспехов, из пустого озорства снова потянул меч из подставки, поднял над головой и...

...Пришёл в себя от жуткого холода. По краям забрала бахромой белел иней. Попытка двинуть головой отозвалась тошнотой и дикой болью. Нечеловеческим усилием поднял руку, чтоб отцепить хитрый механизм и снять шлем. Свежий холодный воздух хлынул в грудь, придал новых сил. Тогда только осознал, что окружающая темнота – это просто наступившая ночь. На чёрном небе мерцали редкие мелкие звезды, над полем битвы опустилась мёртвая тревожная тишина. Уже не было слышно ни победных криков, ни стонов раненых. Насытившиеся чёрные падальщики не дрались и не каркали. Рыцарь постарался встать на ноги, тяжёлые, неудобные доспехи мешали каждому движению. Он раздражённо отстегивал замочки, расшнуровывал, отвязывал налокотники, наручни, наколенники, отбрасывал их от себя. Каждое такое движение приносило облегчение. Рыцарь долго возился с широкой старинной кирасой, закрывавшей его грудь и спину.

– Святые угодники! Это кого же угораздило придумать такую невозможную конструкцию?! И куда подевался мой бездельник-оруженосец?! Не господское это дело – самому облачаться в доспехи, – разорялся он в крайнем возмущении.

Но оруженосца рядом не было, и в первый раз в жизни граф Роббер вынужден был сам бороться со своими доспехами. Единственная светлая мысль мелькнула в его голове: рыцарь припомнил огромные, громоздкие доспехи своего сеньора. Облачаться ему помогали трое слуг, а самостоятельно в полном облачении он не мог ни быстро пройти по двору, ни сесть на лошадь.

– Ему бы сейчас пришлось куда хуже, – зло усмехнулся рыцарь. – Лежал бы здесь, как толстый жук, пока слуги не привезли бы специальную подъемную машину, чтоб поставить его вертикально.

Злорадствовать было тем приятней, чем меньше железа сковывало его тело. Чтоб лучше согреться, Роббер подпрыгивал, приседал и размахивал руками. Порадовался, что под доспехами носил стёганный на вате пурпуэн. Прямо поверх него надел кожаную перевязь с ножами.

– Не видно ни зги! Хоть глаз выколи! – досадовал рыцарь. – А я в пылу боя и не смотрел, куда скакал. Куда теперь податься? Даже не знаю, кто победил.

В гудевшей голове мысли путались, но одно он понял весьма ясно:

– Кто бы ни одержал верх, дорогое снаряжение разбрасывать не стоит. Доспехи мне еще пригодятся.

Браня себя за недавнюю расточительность, рыцарь принялся в полной темноте собирать детали своих железных доспехов. На удивление, первым ему попался злополучный шлем, который он так старался забросить подальше. Дорогущие наборные перчатки, закрывавшие руки, словно чешуя, состоявшая из сотни маленьких пластинок, соединённых подвижными клёпками, – чудо искусства оружейников – Роббер искал особенно тщательно, других таких не было во всём королевстве.

– Эх, сюда бы огня! Всё бы сразу нашлось, – сокрушался он. – До утра ждать нельзя, мародеры все растащат. Ну куда же запропастился оруженосец?! Огниво осталось у него в сумке.

В это время из осенних туч выбралась круглая желтая луна, залила землю своим неживым сиянием. Всё стало отлично видно, только тени залегли особенно чёрные. Роббер обвёл взглядом поле битвы, усеянное мёртвыми телами людей и лошадей. Воины лежали в неестественных позах с отрубленными ногами, головами, руками. Совсем рядом с графом лежал сразивший его лучник, меч другого рыцаря рассек его от плеча надвое. На молодом лице убитого замер ужас, мёртвые глаза смотрели в небо, из открытого рта не успел вырваться последний крик.

Роббер не понимал тех военачальников, которых радовал вид поля битвы после сражения. Он не находил ничего величественного в чёрных вороньих стаях, жадно клюющих трупы. Кроме суетливых птиц он заметил в темноте ещё движение. Посмотрел в ту сторону, прямо в глаза ему глянули жёлтые жуткие огоньки волчьих глаз. Рядом возникли ещё и ещё. Пресытившиеся трупами, хищники жадно бросились на свежую добычу. Рыцарь успел подобрать с земли свой тяжёлый меч, ударил им наотмашь прыгнувшего зверя. Острое лезвие

отсекло волку голову, но за ним прыгнул второй, третий. Роббер размахивал оружием быстрее, чем во время сражения. Наконец уцелевшая стая отступила, но хищники не разбежались, зорко следили за каждым движением рыцаря.

– Сейчас бы огня! Да куда же мог запропасться оруженосец?! – сокрушался он. – Найду – поколочу!

– Вот знал бы – не искал бы вас! – звонкий голос слуги звучал весело.

Высоко держа над головой рыжее пламя смоляного факела, круглощёкий коренастый оруженосец графа пробирался к хозяину, осторожно перешагивая убитых.

– Слава Богу, вы живы, сеньор! А то я уже отправился искать ваш труп, – сообщил он со счастливой улыбкой на лице.

– А почему ночью? – удивился граф.

– Так я бы с удовольствием подождал до утра, но господин герцог отправил меня, убедив, что утром я не смогу вас опознать из-за падальщиков.

– Ещё бы немного, и это стало бы правдой.

– Так всё-таки я вовремя! Не зря я повторял вам, что непременно пригожусь во время этого похода, – радовался оруженосец.

– Главное теперь – благополучно уйти отсюда. Уж слишком много развелось волков.

– Теперь они нам не страшны! Я захватил с собой ещё пару факелов.

– Зажигай быстреей.

Волки сразу отступили от жадно шипевшего яркого света. Рыцарь вложил свой длинный меч в ножны. Пока он высоко держал пару факелов, оруженосец шарил по кустам, собирал разбросанные куски доспехов. Он снял седло с убитого коня, завернул всё в широкую накидку с графскими гербами.

– Всё! – радостно сообщил он господину. – Можем возвращаться.

– Осталось только выяснить, в каком направлении.

– Идёмте, я знаю.

Рыцарь и его оруженосец покинули поле битвы. Хищники вернулись к своей страшной трапезе. Слуга, тащивший большой свёрток, шёл сзади, а граф гордо вышагивал впереди, зорко всматриваясь вокруг.

– Ты уверен, что мы идём правильно?! – наконец спросил он у оруженосца. – Кругом только лес и никаких деревень.

– Я точно запомнил дорогу до герцогского шатра, – заявил оруженосец, но в его голосе уже не было прежней уверенности, – вон с того холма будет уже видно... надеюсь.

Они поднялись на невысокий поросший одинокими деревьями и кустами холм. Рыцарь успел порадоваться, что на дворе уже поздняя осень и густая листва не скрывает окрестности. Действительно, с холма они разглядели впереди тусклый огонёк. Начинаясь хмурое утро медленно, словно неохотно, разгоняло ночную темень. Роббер всматривался в серые рассветные сумерки.

– Это не могут быть огни нашего стана, – задумчиво произнес рыцарь.

– Главное, это точно человеческое жильё.

– Всё равно странно, там нет даже дома, только большой сарай.

– Но там горит огонь, уверен, нам будут рады.

– Молись, чтоб это было так, – хмурился рыцарь, – ты явно заблудился. Если там не рыцари, а простой люд, так даже лучше. Я сейчас не готов объяснять кичливым дворянам, где пропал всю ночь.

Найденная оруженосцем тропинка, стремительно спустившись с холма, петляла у родника и снова взбиралась на каменистую возвышенность. Неласковое осеннее солнце дарило безрадостный свет, путники поднимались на новую возвышенность, уныло глядя себе под ноги. На тронутой первым морозцем утоптанной земле рыцарь увидел тёмные подтеки.

– Похоже, будто с холма всю ночь лили что-то густое и темное, – задумчиво произнёс он.

– Это кровь, – буднично пояснил слуга, пыхтевший под грузом седла и доспехов.

– Откуда столько?! – ужаснулся Роббер.

Впереди, на вершине холма, путь рыцарю и оруженосцу преградил высокий глухой забор.

– Не очень-то гостеприимное место, и кровавый поток берёт начало из-под этих ворот.

Слуга, не особенно впечатлившись наблюдениями графа, решительно постучал в ворота. Они не были заперты и легко поддались под его рукой. Путники вошли внутрь. Весь большой двор, лишенный обычных крестьянских орудий, был занят больными. Раненые, измученные солдаты, кое-как перевязанные, сидели прямо на земле, прислонившись к забору, но больше лежали на жалких кучках соломы. Отовсюду неслись тяжкие стоны и подавленные ругательства; многие шептали слова молитв. Между ними тихие, словно тени, двигались серьёзные, скорбные монашки, подавали раненым воду, говорили слова утешения.

– Куда ты меня завёл? – брезгливо поморщился граф.

– Это же лазарет! После того как рыцари шинкуют пехоту на мелкие кусочки, здесь солдат шивают заново, – объяснил хозяину оруженосец.

– Тогда нам здесь делать нечего!

Гордый рыцарь повернулся уже, чтобы уйти, но в это время одна из монашек обратилась к нему:

– Господин, идёмте со мной. Там срочно нужна ваша помощь! – в её голосе было мало почтительности и много требовательности.

Граф и сам удивился, почему позволил этой пожилой усталой женщине увлечь его за собой. Она повела рыцаря между стонавшими и метавшимися в беспамятстве ранеными в глубь двора, где возвышалось большое мощное строение – не то конюшня, не то сарай. Войдя в широкие ворота, явно предназначенные для гружёных телег, а не для пешеходов, брезгливый рыцарь готов был зажать нос – так силён был тяжёлый дух, поднимавшийся от кровавых ран и умерших тел.

– Я не знал, какое страшное место – лазарет, – поморщился Роббер.

– Вы правы, сударь. Лазарет – место ужасное, – согласился с ним пожилой невысокий мужчина.

Вся его одежда была густо запачкана кровью, а на длинном кожаном фартуке, как у мясников, и вовсе не было чистого кусочка. Лицо незнакомца избородили глубокие морщины. Голос его звучал глухо и устало.

– Второй день на ногах, – пожаловался лекарь, – и ночью не присел ни на мгновение. После таких сражений всегда так много страждущих.

Рыцарю невольно припомнилось, как легко и бездумно он наносил направо и налево смертоносные удары своим верным мечом.

– Да, да, – словно подслушал его мысли лекарь, – а потом все, кто чудом остался жив, попадают сюда, ко мне. Правда, многие умирают уже здесь, умирают в страшных муках.

– Так чем же вам могу помочь я? – спросил Роббер.

На душе у него было скверно, он ещё не смог бы объяснить этого чувства, но то, что он творил ради сражения, ради победы, постепенно становилось ему неприятно. Душу наполняло неведомое прежде чувство стыда.

– Вы только скажите, я рад буду помочь, – подавленно произнес рыцарь.

– Не знаю, как и объяснить, – замялся старый доктор, – раны солдат на войне неизбежны, естественны. Взрослые мужчины знают,

на что идут. Но... когда гибнут и страдают дети, это неправильно! Невыносимо!.. Идёмте!

Он потянул рыцаря за собой в дальний угол, наполненный ранеными солдатами. Там, на таком же, как у всех, соломенном ложе, лежало совсем маленькое детское тельце.

– Вот, – указал на него лекарь, – мальчик здесь уже вторую неделю, после прошлого сражения отступавшие бежали через его деревню. Ребёнок попал под горячую руку взбешённому поражением рыцарю. Тот размахивал «утреней звездой», такой булавой на цепи с острыми шипами. Да, вы-то знаете, – спохватился старик и продолжил торопясь, боясь, что граф не станет его слушать. – Изверг раздробил ребенку запястье. От косточек осталось мелкое крошево. Я ничем не могу помочь, у него жуткое воспаление, он без сознания уже два дня, может начаться гангрена.

– А это страшно?

– Это смерть! – категорично произнес медик. – Единственный выход – ампутация. Но...

Он вдруг схватил рыцаря за руку и потащил за собой в другой угол сарая, отделённый от остального помещения холщовым занавесом. Приподнял ткань, толкнул Роббера внутрь.

– Здесь мы и проводим ампутации.

Рыцарь невольно попятился назад от узкого высокого стола, потемневшего от крови. А доктор указал ему на ещё один маленький столик.

– А это наши инструменты.

Лежавшие там крючья, щипцы и ножи показались воину инструментами для пыток. Доктор взял со столика пилу с мелкими зубцами.

– Вот этим я отпиливаю руки и ноги. Пила уже затупилась, процедура эта небыстрая и мучительная. Я не раз видел, как взрослые и сильные мужчины не выдерживали такой боли. Ребенок не перенесёт, умрёт на столе.

– Но что могу сделать я?! – ужаснулся рыцарь.

– Ваш меч в сто раз острее...

– А вы сумеете справиться с ним?!

– Не я... вам придётся...

Рыцарь не сводил глаз с мальчика. Кроха лет пяти, синеватобледный, еле дышал. Светлые локоны прилипли к потному лобу, крохотные пальчики сжимали одеяло.

– Нет, я не смогу!

Лекарь приподнял одеяло, показал Робберу больную руку ребенка, распухшую, фиолетово-синюю.

– Отрубив кисть, вы спасёте ему жизнь, – твердо сказал доктор.

И граф решился. Привычное оружие показалось ему страшно тяжёлым. Рыцарь точно опустил острую сталь на место, которое указал решительный лекарь. И сразу же вышел из страшного сарая. В дверях к нему подскочил оруженосец. Спросил подобострастно:

– Чего прикажете?!

Роббер глянул на него строго, велел:

– Как только разрешит доктор, отвезешь мальчугана в мой замок.

– Но каким образом?

– Наймёшь в деревне пару дюжих парней, пусть сколотят хорошие носилки, и отнесёте ребенка, здесь недалеко. И чтоб пылинки с него сдували. Всё, ступай!

– А вы?

– Я тоже прибуду в замок.

– Что же я скажу герцогу? – обескуражено протянул оруженосец.

– Передай его светлости, что я уйду и никогда больше не буду убивать для него.

Горестно вздохнув, слуга отправился в одну сторону, а граф решительно пошёл в другую. Роббер торопился, шёл, не разбирая дороги, спешил убежать от нахлынувших кровавых воспоминаний. Он остановился только на краю крутого обрыва. Внизу, по дну глубокого оврага, бежала полноводная и шумная река. Рыцарь перекрестился, вынул из ножен свой верный клинок, вытянул руку, поднял над оврагом и разжал пальцы. Срезав несколько голых веток, меч упал в реку и мгновенно пропал в её водах. Роббер проводил его взглядом, прошептал вслед:

– Прощай, боевой спутник. И да простит меня Бог за всё, что я сотворил...

...Андрей очнулся от громкого звона оружия, упавшего на каменные плиты.

– Вы что! – взвизгнула экскурсовод. – С экспонатами нельзя так обращаться! Поднимите сейчас же!

– Нет! – отрезал бывший рыцарь. – Я больше никогда не возьму в руки оружие, ни старинное, ни современное! И да простит меня Бог за всё, что я сотворил!

Улыбка Алексея Михайловича

Вася Петров разглядывал комнату друга Костика, раскрыв рот. Он был уверенным рослым русоволосым студентом экономического факультета, принципиально одетым во всё джинсовое, классического синего цвета. Часто чихал и тер большим платком курносый нос.

– Ты почему молчал, что прячешь здесь такое богатство?!

– «Богатство», – горько усмехнулся Костя. Смуглый кудрявый похожий на цыгана в тщательно выглаженной белой рубашке и в брюках со стрелками. – Если бы в школе узнали, дразнили бы ботаником; помнишь, как доставалось Игорьку – сыну профессора физики. А мой папаша – профессор-историк – мне бы и вовсе дорого обошелся!

– Ну, в школе ладно... Пчи!.. а в институте-то надо было рассказать, что у тебя дома настоящий музей.

– Да как-то к слову не пришлось.

– Нет, ты не прав! На первом курсе было самое время! – убежденно заявил Петров. – Все как раз познакомились и хвастались друг перед другом кто чем, а у тебя был такой прекрасный повод. Знаешь, мой папаша любил повторять, что все надо делать вовремя и никогда не откладывать, чтоб не сделать себе только хуже!

Вася всё не мог закрыть рот, озирался, вздыхал восторженно:

– Ух ты! Вот это да! Как ты мог молчать! А это что?!

Все стены комнаты были заставлены высокими книжными шкафами. Бесконечные полки занимали раззолоченные фолианты, странные статуэтки, загадочные обломки камней и даже звериные черепа. Многие предметы казались гостю необъяснимыми и сказочными. А Костя, скучая, смотрел на них, давно привыкнув переставлять артефакты, протирая пыль с полок.

– У отца ещё есть большая коллекция старых монет, – бесцветно произнес он, – трясется над ними, как больной, не понимаю.

– Ты что! Пчи! Пчи!

– Будь здоров!

– Спасибо... Коллекция – это же так интересно! А монеты очень старые?

– Он больше всего гордится уродливой медной кругляшкой, твердит, что эта копейка времен Медного бунта.

– Это что ж с 17 века? – изумился Вася. – Пчи... пчи...

– Да ты знаток, – усмехнулся Костя.

– Это всё, что я знаю про Медный бунт, да и вообще про 17 век, – отмахнулся от него друг. – Ну что, покажешь монету-то?

– Покажу, пока отца нет, а то он разведет лекцию на 3 часа.

Парень полез в один из шкафов, извлек оттуда толстый нарядный том, похожий на большой фотоальбом.

– Вот над этим папаша и чахнет все вечера!

Он открыл, стал показывать аккуратно рассортированные и подписанные, закрепленные в прозрачных кармашках отцовские реликвии. Петров, не знавший ценности каждого экземпляра, смотрел невнимательно, чихал и всё торопил.

– Ну, где? Где твой драгоценный медняк?!

– погоди, папаша его всегда в самом конце показывает, как редкое чудо, что он в ней нашел. Ладно монета была бы большая и золотая, а то мелкая и кривая денежка – копейка!

Монетка и впрямь была небольшая. С одной стороны можно было различить силуэт Георгия Победоносца с копьем, а на другой надпись и вовсе почти стерлась. Едва увидев медную редкость, Петров спросил с придыханием:

– А можно я её подержу?

– Держи, – равнодушно согласился друг.

Парень выхватил монету из кармашка, и как только она оказалась в его пальцах, ощутил нестерпимое желание проверить её на зуб, настоящая ли? Сконфуженно вынул изо рта, густо покраснев под презрительным взглядом старого друга.

– Фильмов насмотрелся, – фыркнул Костя.

– Сам не знаю, что на меня нашло, – пожал плечами Вася.

Простившись с другом, он выходил из подъезда, глубоко задумавшись.

– Чертовщина какая-то, пчи... на фига мне кусать эту дрянную денюгу?! Сколько народу её лапало! Тьфу! Гадость!

Он сплюнул прямо на асфальт, разрисованный цветными мелками. Кто-то провел жирную черту поперек дороги и написал, словно в издёвку: «Не переступать!»

Вася шагнул и... свалился на грязный земляной пол.

Поднимаясь, увидел свои босые ноги, крикнул взбешённо:

– Э, где мои кроссовки?!

Дальше хуже, стал рассматривать себя и вовсе растерял все слова:

– О-о-о, у-у-у!

Вместо любимых джинсов на нем были грубые полотняные бесформенные штаны, напоминавшие мешковину, на поясе они были перехвачены пеньковой веревкой. На плечах красовалась такого же серого полотна широкая рубаха.

– Что это? Как это?

Вася стал испуганно озираться: низкий потолок, черные от копоти бревенчатые стены, крохотное, почти не дающее света оконце, грубо сколоченные полаты, занимавшие полкомнаты, заваленные тряпьем, и открытый очаг без трубы – повергли веселого студента в ужас. Он так стремительно ринулся к низкой двери, что лоб расшиб о притолоку. Схватившись за гудящую голову, Петров вывалился на двор из темного дома, но здесь было ещё хуже. Парень сразу наткнулся на грязную громко хрюкавшую свинью. Тесный дворик ограничивал высокий деревянный забор. Из открытого хлева тошнотворно несло навозом.

– Матерь божья! Что ж это делается?! – жалобно завопил студент. – Я в деревне! Ещё в какой деревне! Этого быть не может! Верните меня на место!

Он зачем-то погрозил хмурому небу кулаком. Больше всего будущего экономиста пугало то, с какой легкостью ему вспоминались специфические деревенские словечки.

– УУУ! Зеленые человечки! – закричал он почти радостно, найдя оригинальное объяснение случившимся с ним странностям. Толи инопланетяне попались бесстрашные, толи дело было совсем не в них, но черная избушка и хлев упрямо не пропадали. А к вонючей свинье прибавился пролезший через щель в некрашеном дощатом заборе рыжевато-коричневый мерзкий козел. Он тряс отвратительной бородой, враждебно смотрел на студента. Потом вовсе опустил голову, выставил вперед рога и побежал на него.

– Мамочки! – взвизгнул будущий экономист и отпрыгнул в сторону.

Не видевший этого козел продолжал мчаться вперед, пока не ударил своими острыми рогами в стену черной избушки. Искры он не высек, но долбанул так сильно, что рога глубоко вошли между бревнами. Воинственный зверь напрягся, дернул со всей силы, заблеял громко, испуганно, пытался трясти головой, но не мог даже шевельнуться.

Петрову некогда было праздновать победу. В высоком заборе со страшным скрипом открылись ворота, и в их широком проёме появилась необъятная фигура; вошедший был столь широкоплеч, высок и пузат, что показался студенту невероятным гигантом. Загорелый краснолицый бородатый мужчина в кожаном фартуке вытирал о грязную тряпицу огромные лапища; увидев испуганного парня, загремел разъяренно:

– Вот ты где, сукин сын! Пошто из кузни сбежал, дурень?!

– Я...

– Вот так и сынок у меня! Я его хотел к себе на монетный двор пристроить, клялся дядю, что меха раздувать некому, а ты от работы убер!

– Монетный двор... – промямлил будущий экономист.

– Кого попало туда брать не будут! Царские монеты чеканим! За каждую копейку головой отвечать придется! Дьяки глаз не спускают с каждой заморской гиней и динары. Пока мы её в наши копейки, деньги, полушки превращаем, а потом и того пуше, а ты!.. Поди сюда, я тебя выпорю заслушание!

– Не-е-ет! Только не это!

Петров бросился наутек, кое-как втиснулся в щель забора, проделанную козлом. Не разбирая дороги, продирался через кусты и крапиву. Не замечал царапин и хлестких шлепков гибких веток. Ему казалось, что стоит только вырваться из тесного страшного двора, как он сразу окажется под сенью родных многоэтажек, на асфальтной глади. Вывалившись из кустов, он готов был выть, увидев перед собой раскисшую грязную дорогу в огромных глубоких лужах, высокие дощатые заборы и худую корову, флегматично пережевывавшую траву на обочине.

– Невозможно! – твердил скептик. – Этот мужик принимает меня за своего нерадивого сынка! Бред! Ну почему?! Почему это приключилось именно со мной. Это всё из-за имени! Что за деревенщина – Вася Петров! Надо было давно сменить имя. С каким-нибудь Валерием или Дмитрием – такого бы не случилось!

– Васька! – подтверждая его горькие мысли, радостно крикнул шедший навстречу худошавый конопатый парень.

– Идите вы все! – завопил студент и ринулся обратно в жгучую крапивную зелень.

Там он присел на корточки, скукожился и сам себя пожалел: так мал и одинок он был в этом чужом непонятном мире. Петров раскачивался из стороны в сторону, держался за голову и готов был плакать, как девчонка.

– Эй, ты чего?

Встретившийся на дороге парень не хотел оставить несчастного студента в покое, залез в кусты и ошарашено смотрел на странное поведение приятеля. На всякий случай Василий решил взять себя в руки и не поступать как безумец, а то мало ли чего.

– Да-а так, оса под рубахой... – не слишком остроумно соврал он.

Как ни странно, его приятель вполне удовлетворился ответом, некрасиво растянул рот в радостной улыбке.

– А я гляжу, ты в кусты диранул, как ужаленный.

– Я и есть ужаленный, – ворчливо ответил Василий.

Он с неудовольствием осознал, что отлично помнит этого парня – его ухмылки, большие уши и глупые речи. Даже имя помнит.

– А хорошо тебя назвали – Дмитрием!

– Ага! – радостно закивал парень. – Отец любит повторять, что в честь князя, победившего врагов на Дону. Отец у меня очень умный. Он даже знает, почему сейчас серебряные деньги меняют на медные.

– А что, меняют? – удивился Петров.

– Ты что, с луны свалился?! Уже давно налоги собирают старым серебром, а жалование платят медной требухой. За 1 серебряный рубль нынче торговцы просят 17 медных. Батя говорит, что это всё из-за войны с поляками царю денег не хватает менять деньги один к одному. Да ты не можешь не знать, твой-то отец на денежном дворе кузнецом.

– Не говорит он ничего, – поморщился Василий, – только прибить грозитя.

– Да, батя у тебя суровый, – с уважением сказал Митрий.

– Митя, ты всегда всё знаешь, что сейчас в городе творится?

– Странное творится, что-то нынче будет. Народ хочет идти в село Коломенское к царю с челобитной, просить отменить медные деньги, уже с утра толпа собирается.

– Столько времени терпели, а теперь что ж?

– Сегодня на Лубянке нашли листы, где, как четырнадцать лет назад, во всём винят князя Милославского да Ваську Шорина. Я слышал, народ уже пошел громить дом гостя Шорина, что пятую деньгу собирает.

– А чего четырнадцать лет назад было? – тупо спросил студент.

Приятель посмотрел на него как на больного, потом хитро сощурился, решив, что тот притворяется, но ответил:

– Народ бузил из-за цен на соль, налоги допекли.

– А-а-а, – протянул Василий, сделав вид, что понял, о чём речь, и собрался было по привычке чихнуть, но тут вдруг понял, что от его насморка не осталось и следа. Тогда он сделал суровое лицо и добавил глубокомысленно, – м-мда.

– Побежали смотреть, что из всего этого выйдет, – предложил Митрий.

Петров только кивнул, еще не представляя, к чему его может привести любопытство. Ушастый приятель повел Васю тайными, только ему одному известными тропками, и уже вскоре парни выбежали на разъезженную петлявшую между полями дорогу.

– Здесь до Коломенского рукой подать. Смотри, а вон и мужики, – воскликнул Митрий, – идут, кричат, ругаются, грозятся. Интересно, на что они решатся.

– Оружия не видно, – заметил будущий экономист.

– Откуда у них оружие! Обычно вилы или топоры. А сейчас всё мирно. Не видно ничего такого.

– Может, безобидных царь выслушает?

– Вряд ли, опять казнят всех, как бунтарей.

Вот когда Петров горько пожалел, что плохо учил в школе историю, ему бы сейчас взять да и вспомнить, что там пишут в учебниках про Медный бунт. Кого казнят, как казнят. Но как он ни напрягал память, так ничего и не вспомнил, кроме отчества царя. Он сразу решил блеснуть знаниями:

– Говорят, Михалыч добрый государь.

– Алексей Михайлович бывает и суров. Зря ты его так запросто, словно родного дядьку.

– Так никто ж не узнает, – легкомысленно отмахнулся студент.

– Бог всё видит! – испугался его приятель. – Негоже так о Божьем помазаннике.

– Ладно, ладно, не буду! – пообещал Петров, так и не проникшись уважением к владыке Руси.

Между тем шустрые парни нагнали шумную ватагу мужиков и сами не заметили, как оказались в самой гуще.

– Вот уж не собирался я сегодня участвовать в массовых гуляниях, – ворчал себе под нос будущий экономист.

Он даже пытался выбраться из толпы и тянул с собой приятеля, но тот ни в какую не поддавался, воодушевленный участием в чем-то великом и государственном.

– Ну какое тебе дело до этих гостей и князей?! – увещевал его студент. – Чую, добром всё это не кончится, после любого бунта бывают только расправы и казни. Достанется нам на орехи, достанется.

– Ты почему знаешь?

– В книжке читал, – буркнул Вася.

– Да ты читать умеешь?! – поразился тезка Дмитрия Донского.

– Так, чуток, – спохватился будущий экономист, – разбираю некоторые слова.

– Ну, ты даешь! – радостно воскликнул парень. – Будет тебе трусить, пошли с мужиками.

– Мы и так идем, – недовольно констатировал Петров, – тащимся невесть куда, вместе с бестолковыми мужиками.

– Чё это – невесть куда! В Коломенское идем, к царю, челом бить, требовать справедливости.

– Так челом бить или требовать? – хмуро уточнил будущий экономист.

– Там видно будет, – отмахнулся Митрий.

Между тем ватага мужиков уже приблизилась к царскому селу. Здесь, в загородной резиденции, у Алексея Михайловича войск не было. Не ожидал монарх вдалеке от Москвы встречи со своим народом. Мужики у стен нарядного терема были для царского семейства полной неожиданностью. Пока собравшиеся во дворе выкрикивали свои просьбы и требования, Петров жадно разглядывал жилище персонажа учебников. Большой деревенский дом, украшенный резными крылечками, башенками и пристройками.

– Чё ж у царя всё из дерева? – снисходительно поинтересовался он.

– Так тут же деревня, большие каменные палаты в Москве остались.

На крыльцо выбежала сенная девка. Глянула перепугано, выпалила:

– Нет здесь царя, в церкви он.

И опрометью убежала обратно в терем, хлопнув дверью, будто за ней гнались.

– К церкви надо идти, к церкви! – зашумели мужики.

– Он из церкви выйдет добрый, надо там с ним говорить.

Студент-экономист вновь предпринял попытку выскользнуть из толпы и юркнуть в кусты. Однако мужики, испугавшись собственной дерзости, так плотно жались к друг другу, что ему не удалось даже с места сдвинуться. Сгрудившись, сбившись, словно рыбы в плотный косяк, челобитчики двинулись к высившейся поблизости сиявшей новеньким резным кружевом церковке.

«Нет ещё у русских царей гигантомании», – размышлял студент.

Даже подойти близко к божьему храму бунтари не решились. Остались ждать Алексея Михайловича на широком церковном дворе. Нетерпеливый Вася вновь попробовал выбраться из толпы, стоявший рядом плечистый мужик рассердился, дал ему тяжелый подзатыльник.

– Не сикати! Стой спокойно! – басовито сказал он.

И будущий экономист смирился.

«Может, обойдется».

Не помнил он в истории ни одного бунта, чтоб обошлось без страшной расправы, так он вообще мало, что помнил в истории. Может, и было, а он просто не в курсе. Все же Петров не смог сдержать тяжелого вздоха.

«Вот угораздило – невесьть где, невесьть когда, один, совсем один», – сокрушался Петров.

Кроме всего прочего, ему из толпы почти ничего не было видно, только хмурое небо да куполок церкви. Студент догадался, что царь

вышел к народу, по общему глубокому вздоху да потому, с какой невероятной силой сжала его толпа. Алексей Михайлович беседовал с мужиками негромко, так что слышали его только стоявшие рядом. Вася напрасно напрягал слух, все перекрывало свистящее дыхание полного носатого соседа и комментарии широкоплечего бородача.

– Точно, точно, так оно и есть, батюшка, так и есть.

– Верно говоришь, батюшка! – решил крикнуть Вася, чтоб не отличаться от стоявших рядом.

Внезапно мужики одобрительно зашумели, подались в сторону. Вокруг Петрова образовалось свободное пространство. А прямо перед собой обалдевший студент увидел темноволосого мужчину с аккуратно подстриженной бородой, пухлыми щеками и большими темными глазами. Его длинная из дорогой красной ткани с широкими рукавами одежда придавала солидности его приземистой фигуре с изрядным брюшком.

– Царь... – выдохнула толпа.

Алексей Михайлович поправил отороченную мехом шапку, улыбнулся толстыми губами:

– Ну, здравствуй.

Петрову адреналин вдарил в кровь:

«Это он со мной здороваётся!» – подумал Вася восторженно, а царь продолжил мягко:

– Ну что, согласны вы с моими условиями? Не станете больше жечь гостей Московских?

– Согласны! – дружно загудела толпа. – По рукам!

– Пусть так, – согласился мудрый монарх и протянул Василию свою холёную широкую ладонь.

Петров и очнуться не успел – пожал мягкую руку царя. Со всех сторон громко одобряюще закричали, заулыбались, принялись хлопать сына кузнеца по плечу, хвалить за смелость. Алексей Михайлович тоже милостиво улыбался. Неспешным вальяжным жестом стал выпроваживать мужиков со двора.

– Ступайте, ступайте.

Прежде лишенный всякого священного трепета перед властью, захваченный врасплох общим ликованием, Вася Петров светился от счастья. К нему подскочил неизвестно где пропавший Митрий.

– Ты молодец! С самим царем по рукам ударил! – восторженно брызгал слюной он. – Такое везенье вообразить нельзя! Это ж надо! Сын кузнеца с самим царем!

Народ гудел как растревоженный улей. Все мужики улыбались, словно только что получили ценный подарок. Никто и не задумался о том, что царь не станет делать того, о чем мечтают простые горожане.

Да он и не обещал ничего конкретного. Но все были счастливы тем, что видели самого царя, тем, что Алексей Михайлович добр и улыбчив, и тем, что не встретил их злыми стрелецкими саблями. Когда стали подходить к городу, удачливых гонцов уже встречали зеваки. Смотрели, разинув рты. Тыкали пальцами. Не верили рассказам о невероятном везенье.

Если бы студент только попытался высказать всю бурю эмоций, порожденную в нем этим его странным приключением в далеком чужом времени, он не нашел бы слов, только громко выкрикивал бы странные звуки да размахивал руками.

Вдруг Васе показалось, что среди людей, толпившихся вдоль дороги, мелькнуло сосредоточенное лицо Кости.

– Быть не может! – воскликнул студент и, растолкав шедших рядом, бросился догонять друга. – И почему здесь люди такие бестолковые! – проворчал он и крикнул страшно: – А ну, расступись!

Петров так решительно расталкивал вялую толпу любопытных, что люди стали шараться от него. Но Вася не обращал внимания ни на тучных баб в цветастых сарафанах, ни на бородатых мужиков, в августовскую теплынь носивших шапки, ни на бесчисленных полуголых ребятишек. Будущий экономист видел перед собой только знакомую сутулую спину институтского приятеля – Кости.

– Стой! – заорал он ему во всю силу легких.

Сын профессора испуганно остановился, втянув голову в плечи, словно ожидал удара.

– Ты чего?! Это же я! – поспешил его успокоить Петров.

Костя посмотрел на приятеля мутным взглядом, спросил бесцветным голосом:

– Ты здесь откуда?

– Оттуда, откуда ты! – кипятился студент.

Ему показалось, что Костя его не узнает. Петров глянул на сокурсника внимательней. Он был одет так же, как все горожане: в льняные серые штаны, широкую рубаху. На голове – шапка, лицо бледное, растерянное.

– Эй! Тебе что, голову напекло! Или – как там это называется?! – тепловой удар!?! – воскликнул Вася. – Зачем тебе шапка летом?

– Так надо.

– У-у-у, зануда!

Вася схватил приятеля за плечи, принялся энергично трясти:

– Очнись, очнись, чучело! Нас здесь только двое из другого времени! Нельзя впадать в спячку! Соображай быстрее, что делать?! – Бежать!

– Бежать!

Костя схватил друга по несчастью за руку и потащил за собой, да так быстро, что Вася ничего и сообразить не успел. Только в ближайших зарослях черемухи они остановились и перевели дух.

– Чего это ты?! – выпалил Петров.

А Костя глянул на него совсем по-другому, трезво и холодно. Зашептал торопливо:

– Не ори, лучше, чтобы нас никто не заметил; ты что – историю не знаешь, сейчас такое начнется. Царь Алексей Михайлович карать будет всех без разбора.

– Он... карать! – рассмеялся Вася. – Да царь душка! Я сам ему руку жал. Мягкая такая, теплая.

– Это он потому был душкой, что остался один, а теперь пришел в себя, послал стрельцов перебить бунтарей.

– Не бунтарей, а челобитчиков, мы ж безоружные к нему в деревню приперлись.

– Это первая ватага пошла без оружия, челом бить, а по другой дороге из Москвы в Коломенское уже мужики валят: злые, вооружены чем попало – кольями, серпами, топорами. Против них царю несдобровать. Довели народ до крайности медные деньги.

– А какая разница? Медные, серебряные?

– Дурак, инфляция! Медяки уже ничего не строят, а налоги требуют серебром.

– Так ты точно знаешь, что дальше будет? – присвистнул студент-экономист.

– Я помню, что в учебниках написано, а может, в жизни все совсем по-другому было, в любом случае, нам лучше держаться подальше от толпы.

– Выходит, что мне страшно повезло, что я попал в первую, а не во вторую толпу.

– Сказочно повезло, вот чуть-чуть позже ввязался бы в это дело – и увидел бы не улыбчивого Алексея Михайловича, а только вооруженных стрельцов, – очень серьезно сказал Костя.

– Так что, мы будем сидеть и бездействовать в этих кустах? – возмущенно воскликнул обладатель редкого дара успевать вовремя. – Или, может, поищем способ вернуться?

– Вряд ли нам это удастся сейчас, – скептически заметил сын профессора, – вот-вот в городе начнутся такие события, что нам лучше спрятаться и затаиться.

– Так что ж, мы даже одним глазком не глянем на исторический момент? Что мы потом сможем рассказать в институте?

– Если мы попадемся стрельцам, то делиться впечатлениями нам не придется больше никогда. Мне бы твою уверенность, что мы попадем в институт.

– Конечно, вернемся, не будь таким пессимистом. Может, это вообще сон, и мы вот-вот проснемся.

– И чей это сон? Твой или мой? – ехидно спросил Костя.

– Ну, почему я знаю, – поморщился студент, – но сидеть в этих кустах я больше не намерен.

– Хорошо, пойдем в другие кусты, насколько я помню, теперь главные события развернутся около реки.

Прятели рискнули высунуть нос на опустевшую дорогу. Но не успели сделать и десяти шагов, как на них налетел Митрий.

– Васька! Вот ты где! А я думал, куда ты вдруг подевался. Сбежал в одну сторону, в другую – как сквозь землю провалился. Тебя батя разыскивает. Ох, всыплет!

– Бежим отсюда! – взвизгнул Вася.

Он схватил за руки обоих и потащил за собой куда-то в узкий переулок между двумя высоченными заборами. Петров очень спешил, не разбирая дороги, думал только о громадных кулаках краснолицего кузнеца. Не сдерживал рвавшихся с губ ругательств.

– Вот чертяга! Чего пристал?! Папашей назвался, дубина! Не нужны мне такие папаши! Ни за что не пойду на его двор! Один козел там чего стоит!

Парни спешили следом за ним, каждый по-своему понимал его слова.

Неожиданно заборы кончились, и беглецы оказались на большом заросшим бурьяном и полынью пустыре.

– Куда теперь?

Резко повернулся Петров к Митрию, словно не он сам затеял эту беготню. Тот только пожал плечами, а Костя деловито осмотрелся и скомандовал:

– Туда!

– Неужели ты и в этом городе ориентируешься? – усомнился студент. – Что там?

– Там кусты, гуща.

– И только-то?!

– Это всё, что нам сейчас нужно, чтобы спрятаться и отсидеться, – строго произнес сын профессора.

– А от кого мы прячемся? – подал голос Митрий.

– От царя.

– Что ж, он сам за нами придет?! – наивный парень пораженно уставился на приятелей.

– Много чести, – фыркнул Костя, – стрельцов пришлет.

Эти его слова прозвучали так грозно, что больше никто не стал с ним спорить. Парни добежали до тесно стоявшего черемушника, нырнули под сень листвы, присели на корточки, даже дыхание затаили. Митрий громко икнул от страха и спросил шепотом:

– А что дальше?

– Как мы определим, что бунт окончен? – шлепнул назойливого комара Петров.

Костя не ожидал столько вопросов, не знал, что сказать:

– Ну... скорей всего...

– Так ты не помнишь, сколько продолжалась расправа и когда нам можно выбраться без опасности попасть под горячую руку солдат? – возмутился Вася.

– Погодите, погодите, о чем это ты? – потянул его за рукав Митрий.

– Понимаешь... – принялся подбирать понятные слова студент-экономист, – не всем так везет, как нам с тобой. Они сами злые и царя разозлили.

– Пока мы здесь болтаем, москвичи подняли настоящий бунт, – пришел к нему на помощь сын профессора, – ты же помнишь, как жестоко расправились с выступавшими?

– Ага, батя рассказывал про Соляной бунт, – закивал Митрий. – Ужас!

– Так вот, в городе начинается тоже самое.

– А ты почём знаешь? – икнув, спросил Митрий.

– Верный человек шепнул, – нашелся Петров.

Такой ответ вполне успокоил продрогшего парня, но сам Вася забеспокоился.

– Слушай, Кость, нам срочно надо узнать, что происходит, не можем же мы здесь сидеть бесконечно. Нам надо домой, ведь иначе застрянем навсегда! – он в отчаянии замотал головой.

Его сокурсник напустил на себя важности, произнес солидно:

– Я полагаю, мы могли бы пробраться к реке, чтобы из укрытия видеть, когда опасность минует. Но где, хотел бы я знать, здесь река?

– Я знаю, – обрадовался Митрий, – я покажу.

– Идем.

Паренек почувствовал себя главным, приосанился, надул губы, важным медленным движением повел рукой:

– Смотрите сами, сколько здесь комаров, верный признак – вода совсем рядом, нам нужно будет только обойти вон ту церковь и сразу окажемся на берегу реки.

– Берег-то пологий? – зачем-то уточнил студент.

– Низкий, гладкий, будто корова языком вылизала.

– Насколько я понимаю, – насупился Костя, – историческая расправа произошла именно на таком берегу. Имеет смысл и нам туда направиться, только...

– Там найдется, куда спрятаться всем троим? – закончил за него Петров.

Митрий поскреб в затылке, убил на щеке комара, только потом ответил:

– А как же! Там рядом забор, хороший такой забор, через него в щель будет все видно.

– Забор? Как мы окажемся за ним?

– Говорю же, там почти на берегу церковь, у попа огородик, поставили забор от коров да свиней, но я знаю, как за него пробраться. Что, вести?

– Веди!

Предводительствуемые высоко задравшим нос Митрием, приятели отправились к реке, сами не зная, с какой целью. Вася старался запомнить дорогу, но его новый приятель так петлял и часто сворачивал в только ему известные подворотни, что будущему экономисту пришлось отказаться от этой идеи. Когда Петрову уже стало казаться, что Митрий заблудился и берег реки вовсе недостижим, тот неожиданно ткнул пальцем в стоявший перед ними грубо сколоченный из неструганных досок забор.

– Вот дырки, смотрите, весь берег как на ладони.

Студенты прильнули к забору через круглые отверстия от сучков. Действительно была отлично видна река и широкий пологий берег.

Вася только взглянул и отпрянул.

– Вот кошмар! – вырвалось у него слишком громко.

– Тише! – хором зашипели его спутники.

Парень решил посмотреть ещё: весь берег был усеян изрубленными трупами. Многие лежали у самого забора и казались Петрову ужасающе близкими. Он отлично видел застывший на лицах ужас, широко раскрытые остекленевшие глаза, темневшую на песке кровь. Весь воздух был пропитан громкими криками отчаяния и злыми голосами стрелцов. Вася с трудом оторвал взгляд от страшной картины внизу и оцепенел от страха; в голове не укладывалась реальность всего происходящего на берегу, телевизионные военные сцены разом померкли: совсем рядом живые расщепившие стрелцы в длинных кафтанах саблями рубили безоружных растерянных горожан в серых льняных рубахах. Кто-то из них еще пытался защищаться длинными палками, но острая сталь легко крошила их. Мужики пятились к реке, а стрелцы наступали. Многие

из них уже стояли по колено в воде и шаг за шагом заходили все глубже. Студент зажмурился. От страха ему стало холодно. Ледяное дыхание ползло по спине, зуб на зуб не попадал. Парень глянул на своих приятелей. Митрий, не выдержав, опустил на корточки и, закрыв лицо руками, раскачивался из стороны в сторону, причитал горестно, как старушка на похоронах; Костя прижался к забору, не отводил глаз, зло сжал кулаки, на его лице застыло негодование.

– Надо что-то делать, нельзя сидеть здесь и смотреть!

Гневные слова прозвучали у Васи как-то жалобно, а Костя только фыркнул раздраженно:

– Хочешь умереть вместе с ними? Историю не изменить, на самом деле нас с тобой здесь не было.

– Но мы же здесь...

– Ты хочешь *здесь* и остаться? – жестко спросил сын профессора.

– Нет, но...

В это время Митрий издал беспомощный стон и повалился на землю. Он лежал и смотрел в одну точку, совсем как те, за забором.

– Он что, тоже умер? – испугался Петров.

– Вряд ли, раньше люди были гораздо крепче нас. Скоро очухается, – равнодушно бросил его сокурсник, – идем, нам нужно поторопиться, если ты все еще хочешь вернуться в свое время.

Оставив несчастного Митрия, приятели двинулись в обратный путь.

– Куда мы сейчас? – спросил Петров.

– На двор кузнеца.

– Зачем? Ни за что! Там козел! – громко возмутился Вася.

– Будь там хоть целое стадо рогатых зверей, но, похоже, это наш единственный путь обратно, – серьезный Костя остановился, повернулся к приятелю, – если твои приключения в семнадцатом веке начались с этого двора, значит, там есть проход между временами.

– Боюсь, кузнец сделает все, чтобы нам помешать.

– Кстати, о кузнеце: если он уверен, что ты его сын, то его настоящий сын должно быть попал в наше время. Подумай о том, что ему сейчас гораздо хуже.

– Бедный парень, – согласился с приятелем будущий экономист.

Между тем они уже добрались до улицы, на которой Петров впервые встретил Митрия.

– Да тут совсем близко, – буркнул он, – чего ж этот мутень так долго нас водил?

– Для пущей важности. А теперь ты вспоминай, куда нам идти.

– Вон, кажется, в те кусты.

Ступив под сень зеленой черемухи, Вася задумался:

– Стой, а ты-то откуда здесь взялся? – нелюбезно спросил он Костю.

– Наконец-то, я уж думал никогда не поинтересуешься, – улыбнулся тот. – Медяк пропал, я сразу подумал, что ты, по нечаянности, прихватил его с собой и бросился следом. Выбежал из подъезда, тебя нет, смотрю, на асфальте дурацкая надпись, только шагнул, и попал на двор к твоему папаше, то есть кузнецу. Ох, и злющий мужик. Я еле ноги унес.

– Надеюсь, сейчас его нет дома, а то...

Когда парни решились пробраться через щель в заборе, их сразу атаковал зловредный козел. Студенты едва успели увернуться.

– Дурацкая коррида получается! – отметил Костя без тени улыбки.

Рогатый охранник заблеял, развернулся и вновь ринулся на непрошенных гостей. Студенты бегом понеслись к почерневшей избе. Неуклюжая свинья, в это время пересекавшая двор, плюхнулась в лужу прямо посередине, так что беглецам пришлось ее перескакивать. А злющий козел не рассчитал прыжка, зацепил толстый бок задними копытами и завалился на хавронью. Свинья отчаянно хрюкала, рогатый пинался и блеял, приятели захлопнули за собой низкую дверь. Но они рано радовались. Прямо перед ними вырос громадный краснолицый кузнец. Низкий потолок не позволял ему поднять головы. И мощная фигура, казалось, занимала полкомнаты.

– Васька! Во-о-от ты где! – радостно загремел кузнец.

– Ага, – прохрипел запыхавшийся Петров.

– А ну, поди сюда! Я тебя...

Приятели, не стовариваясь, одновременно зажмурились и прыгнули...

Асфальт был такой твердый, но такой родной! Эмоциональный Вася готов был картинно упасть на колени и целовать современное дорожное покрытие, но постеснялся своего сдержанного приятеля.

– Дома! Костя! Мы дома! – не смог он сдержать восторженного крика. – Это же твой подъезд, все на месте, мы в своем времени!

– Да, все по-человечески: джинсы, кроссовки... да, а где черта?

Студенты уставились под ноги. Асфальт, мокрый от недавнего дождя, был абсолютно чист.

Кто есть кто

Даша – симпатичная рыжеволосая девушка лет шестнадцати, худенькая, с большим ртом и широко распахнутыми голубыми глазами, – порхала по городу, как бестолковый мотылек. Каждый новый день казался ей забавнее предыдущего. Все вокруг было восхитительно: весна, усыпанные цветами яблони, первые нежно-салатовые листочки, пьяные от тепла воробьи. Пропавшие с улиц грязь и лужи позволили девушке надеть новехонькие модельные туфельки, а светлый баснословно дорогой плащ переполнил чашу ее восторга. Даша не могла и не хотела прогнать с лица беспечную улыбку. Совсем недавно, зимой, увидев человека в таком состоянии, она сама бы покрутила у виска, но теперь...

Как мало надо для счастья! Голубое небо, желтое солнце и чувство влюбленности. До назначенной встречи оставалось ещё четверть часа, и девушка не спешила, медленно шла по парку, глазела по сторонам.

– Ужас! Кошмар! – завопила она вдруг. – Ненавижу птиц! Кто дал пургена этому голубю?!

Новенький почти белый плащ был безнадежно испорчен. На плече, словно погон, красовалось большое пятно.

– И как это все умещалось в маленькой птичке?! – в отчаянии вопрошала небеса Даша.

Ответ последовал – отвратительный своей логичностью. Над парком кружилась не одна птичка. И ведь летела мерзкая жидкость вроде бы мимо, но умудрилась таки приземлиться на рукаве.

– Сволочи! Сволочи!

Девушка готова была подпрыгнуть, поймать злополучного голубка, ощипать и голым отправить выпрашивать у старушек семечки. Подумать только, еще минуту назад она так гордилась дорогой нарядной вещью. Даша полезла в карман в надежде достать какую-нибудь ненужную бумажку, но в первый раз надетой вещи оба кармана были девственно чисты. Девушка рискнула сорвать на зеленом газоне широколистную травку и попыталась стереть небесные кляксы. Получилось еще хуже. Пятна приобрели зеленый оттенок. Осталось только одно. Горько вздохнув, Даша сняла плащ, аккуратно свернула и повесила на руку. Прохладный ветерок сразу полез под легкую сиреневую кофточку.

– Зябко, – не удержалась от комментария она, одергивая короткую черную юбку.

Девушку поддерживала только надежда на то, что ее муки не видела ни одна живая душа.

Заветная лавочка, уютно прятая в тени огромного тополя, была пуста.

– Мог бы прийти и пораньше, – посетовала девушка, – не кисейная барышня, чтоб опаздывать.

Она присела на скамейку, мимо спешили люди, чинно проплывали мамы с колясками, пронеслись велосипедисты. Тень казалась Даше все менее уютной. Она приглядела прямо напротив свободную скамеечку, залитую теплым желтым солнышком.

«Пойду туда, – решила лишившаяся плаща модница, – какой смысл мерзнуть, там я точно не буду незаметной».

Она достала сотовый, посмотрела время, убедилась, что Павел опаздывал уже на полчаса, набрала его номер и неожиданно решила проявить принципиальность, не звонить. Рассерженно встала, решительно направилась к заманчивому местечку. Плюхнулась на самый край и с ужасом почувствовала, как скамейка наклонилась и дальний свободный конец быстро поднялся над землей.

– Мне осталось только свалиться, день будет испорчен окончательно! – воскликнула девушка, осторожно двигаясь к середине скамейки.

Вернувшееся равновесие уже не могло восстановить радужного настроения. У Даши еще оставалась слабая надежда на то, что Павел только опаздывает и все-таки появится, и она попыталась как-нибудь скоротать время ожидания. Очень аккуратно встала со злополучной «качели», с независимым видом прогулочным шагом дошла до стоявшего рядом киоска. Обвела ленивым взглядом его содержимое, купила пестрый журнальчик. Вернулась на залитую солнцем лавочку, полистала, скучая, наткнулась на очередное продолжение какого-то длинного рассказа. Не имея представления о том, с чего он начинался, стала читать, что было.

«...молнии металась по грозовому небу, кони храпели, рвались вперед. Мгновение – и два рыцаря преломили свои копыта в честь прекрасной дамы. Черный всадник рухнул сраженный метким ударом противника, только голубая вспышка осветила помчавшегося без него в даль жеребца...»

– Эх, где теперь такие рыцари?! – вздохнула девушка. – Мои современники, наверное, вовсе не способны на подвиги. Вот бы узнать, кто какой на самом деле, – размечталась она.

...Дашу поразило странное ощущение – земля качнулась и ушла из-под ног, где-то под ложечкой появился тревожный холодок, чем-то похожий на чувство невесомости. Девушка подняла глаза от

колоритной картинке с рыцарями и застыла от ужаса. Парк, только что окружавший ее, исчез – не было ни лавочки, ни пыльной дорожки; ветки тополей, нависавшие над головой, стремительно неслись мимо, пропадали где-то внизу. Она ничего не могла понять. Обнаружила, что сидит на дне большой квадратной корзины; вокруг ее плетеных стенок кружевная зелень уже сменилась ясной голубизной. Даша рискнула задрать голову и рот разинула от удивления. Ее корзина висела под самым настоящим воздушным шаром, громадным как целый дом, похожим на раскрашенную полосатую луковицу. Из незнакомого девушке устройства вырывался огонек пламени, наполняя купол теплым воздухом. Шар стремительно поднимался, становилось все холоднее; начавшая стучать зубами девушка решила таки пошевелиться. Она развернула плащ, забралась в один рукав, надела второй, изо всех сил почему-то стараясь двигаться незаметно.

– Наплевать, что плащ испорчен. Кто меня видит?! Я здесь совсем одна, – бормотала она, – одна! Одна! Одна!

В этом слове было столько ужаса, у Даши дыхание перехватило, она зажмурилась... В этот миг корзину тряхнуло, словно в нее упало что-то тяжелое, и снова настала полная тишина; девушка решила открыть глаза – сначала левый, потом правый. Она пораженно уставилась в противоположный угол корзины.

– Ты?!

Этот крик одновременно вырвался у Даши и оказавшегося напротив нее худощавого парня. Если замерзшая путешественница сжалась в комочек, то он наоборот сидел, широко разбросав руки и ноги. Тряс головой, дико озирался. Девушка не верила своим глазам. Это точно был Павел. Его сутулая фигура, его большой нос, его серые глаза, волосы цвета грязной пшеницы, белая футболка со знаком анархии, синие джинсы.

– Паша? – все еще не верила она.

Он замахал на нее руками, как на дурное видение, и выкрикнул раздраженно:

– Нет! Это не я, я сплю дома в своей кровати.

– Спишь?! А как же... – беспомощно вздохнула Даша, – а я тебя ждала..

– Вот, дождалась, дура, – огрызнулся он.

Девушка готова была расплакаться. Обманутые надежды рвались из груди громкими всхлипами.

– Ну да, да, я проспал, проспал! Ну, погуляли мы вчера до утра, ну, напились. Теперь вот снится с перепою всякая дрянь, – тихонько добавил он.

– Я не дрянь! – всхлипнула Даша.

– Какая разница, ты мне только снишься, – отмахнулся парень, – нет, чтобы приснилась какая-нибудь жгучая красавица.

– Значит, я не красавица!

В сердце девушки проснулась гордость, вдруг стало легко и весело.

– Так это только сон, а во сне все возможно! – воскликнула она.

Неожиданно для самой себя она вскочила на ноги, схватила Павла за его любимую белую футболку, решительно дернула; он безвольно поддался и, не успев сообразить, что она делает, перевалился через край корзины.

– Учись летать, – зло напутствовала она, проводив взглядом падавшего.

С диким криком он камнем помчался к земле. Яркая зелень была смутно видна сквозь облака где-то очень далеко. Даша спокойно вернулась на свое место.

– Все равно ничего ему не будет, он дома спит! – бурчала она. – А я?!

Девушке опять захотелось плакать. Странный сон не кончался и все меньше ей нравился. Холодно, непонятно, одиноко. Шар продолжал свое неумолимое движение.

– Если это сон, – задумалась путешественница, – то где я на самом деле? Неужели в парке на скамейке? Прелестное зрелище! – поморщилась она. – Но это не объясняет, почему мне холодно; вот если бы все было по-настоящему, то шар постепенно остывал бы и спускался к земле.

Словно подслушав ее рассуждения, мягко, но довольно быстро воздушный шар сменил направление и поплыл вниз. Даша чувствовала себя как в скоростном лифте, отсчитывавшим этажи от двадцатого к первому. Громадный шар над головой перестал казаться упругим, на его ровных боках появились длинные морщины, луковица исхудала до веретена, а веселый огонек вовсе погас.

– Падаю, – безрадостно констатировала девушка, – что же теперь будет?!

В голове пронеслись картинки с упавшими воздушными шарами из фильмов, вспомнился «Затерянный остров» и даже «Приключения Незнайки», но веселее не стало.

– Скорей бы проснуться, проснуться, проснуться, – твердила девушка.

А шар ласково, как пушинку, опустил корзину на траву и сам разлегся рядом на поляне. Даша боялась пошевелиться, не зная, чего ожидать теперь, но веселые насекомые не позволили ей долго

сохранять неподвижность. Не прошло и пяти минут, а путешественница уже энергично отмахивалась от комаров и мелких мошек. Даша спаслась бегством – поспешно выбралась из корзины и бегом припустила куда глаза глядят. Остановилась только домчавшись до высокой березы. Модельные туфли не были предназначены для таких забегов. Девушка сняла обувь, вытрясла из нее мелкие камушки, колкие веточки, комочки земли. Давно не бегавшая горожанка тяжело дышала, голова кружилась от напоенного лесной свежестью воздуха. Вверху мощно шумели высокие деревья, лес наполняли птичьи голоса: пение, свист, чириканье. Даша провела пальцем по березовому стволу, подивилась его нежной гладкости и белизне. Ветер играл оторвавшимися от коры тонкими, как бумага, полосочками.

Девушкой завладела блаженная безмятежность. Все мысли и тревоги унесло легким ветерком. Даша стояла, улыбалась, широко распахнутыми глазами смотрела вокруг.

– До чего же хорошо, – прошептала она.

Внезапно негу прогнало жуткое смятение. На идиллическом фоне свежего весеннего леса она увидела... Павла. Живой и невредимый, все в той же анархической футболке и джинсах, он лениво шагал к поляне, наклонился, сорвал травинку, сунул в рот, словно длинную сигару, взъерошил волосы, почесал макушку и разулыбался, увидев Дашу.

– Ты чего такая ошарашенная? Углядела что-нибудь или на ежа наступила?

– Я... ты... как ты сюда попал?!

– Станный вопрос, как все нормальные люди – на автобусе. Друзья позвали на рыбалку да перепились, ну их, все равно не клюет. Места здесь классные.

– На автобусе, – почти разочарованно вздохнула девушка.

– Можно подумать, есть еще какой-нибудь способ, – рассмеялся Павел, – только не ври, что ты сюда пришла пешком. Ни за что не поверю, что ты турист. В таком виде по походам не шастают.

Растерянность девушки медленно проходила. Припомнились недавние слова про сон.

– Вот он и кончился, – тихо порадовалась она, – не помню, как сюда добралась, но главное – я проснулась.

– Что ты там бормочешь? – любопытствовал парень, подходя ближе.

– Выспался, опозданец?! – Даша вспомнила, с чего все началось.

– Куда ж это я опоздал?

– Даже не помнишь! А я ждала тебя в парке!

- Главное – мы встретились, – благодушно рассудил парень.
- А где мы? – наивно спросила путешественница.
- Ну, ты совсем плохая! – расхохотался рыболов. – В лесу.
- Это я вижу, – вздохнула Даша.

Она внимательно разглядывала лежавшую перед ней полянку и невольно удивлялась, не находя на ней ни малейших следов огромного воздушного шара. Павел тем временем подошел совсем близко, щелкнул пальцем по свежему пятну на Дашином плаще.

– Не люблю летунов, – философски заметил он, – вечно сверху прилетит какая-нибудь дрянь.

Девушке вдруг ярко вспомнилась картина недавнего его эффектного падения.

– Да, что только сверху не падает, – пробормотала она и предложила: – Ну, раз уж ты здесь ориентируешься, пошли поищем людей.

– Честно говоря, здесь мне известно местонахождение только нескольких непотребно пьяных экземпляров, – хихикнул Павел, – а трезвых пошли искать вместе.

Даша рада была забыть свои недавние злключения, благо от них остались только пятна на плащике, и с радостной улыбкой шагала рядом с парнем. Им не попадалось ничего даже отдаленно напоминавшего дорогу. Между светлых березовых стволов поднимались густые сочные травы.

– Если бы я не знал, что город где-то совсем рядом, подумал бы, что здесь не ступала нога человека.

– Ага, – блаженно улыбаясь, кивнула Даша.

Путники остановились, девушке хотелось раскинуть руки, кружиться, глядя в высокое голубое небо, но у ее спутника настроение было прямо противоположное.

– Неужели тебе это нравится?!

Хмурый Павел ткнул пальцем в поднимающуюся впереди стену леса.

– Солнце, березки, зелень – красиво, – не понимала его раздражения девушка.

– Это сейчас солнце, тепло, а если мы заблудимся?! Мне такие развлечения на уикенд не нужны.

– Ты же сам говорил, что город близко, где-то здесь твои рыбаки, – умиротворенно рассуждала Даша. – Кстати, они рыбачат на реке или на озере?

– Черт их знает, – огрызнулся Павел, – вода она и есть вода. Какая разница?!

– Вдоль реки всегда расположены города и поселки, а озера бывают старицами или...

– Вот только не надо лекций, – начал закипать горожанин, – только твоей ботаники здесь не хватало! Неужели тебе не страшно?! Ходишь, улыбаешься, как дура, говоришь всякую ерунду!

– И вовсе не ерунду, это может нам пригодиться, если...

– Какое ещё если?! Я жрать хочу! А ты мне что предлагаешь, кору глотать?!

Даша первый раз видела такую откровенную панику, конечно, если не считать видения с воздушным шаром. В ее душе поднялось негодование и сильное желание опять выбросить Павла куда-нибудь. Видимо он прочитал эту мысль в ее ставшем холодном взгляде и спросил уже осторожно:

– Думаешь, не все так плохо?!

– Все еще хуже, – мрачно заметила она и решительно отвернулась от своего спутника. – Я осталась в лесу наедине с трусом и паникером.

На удивление Павел даже не стал спорить с такой категоричной оценкой его личности, он был только рад переложить поиск выхода из сложной ситуации на кого-нибудь другого.

– Ну, ты зверь, – решил отшутиться он.

– Не буди во мне зайца, – с угрозой в голосе сказала девушка, – покрошу на капусту!

Оба стали серьезными и задумались каждый о своём. Даша старалась припомнить правила поведения в лесу, но в голове волчком крутился заяц.

– Нет, все-таки я не заяц! – выдала она наконец. – Я какой-то другой зверь.

– А я вообще не зверь, – жалобно заскулил Павел за ее спиной, – я домашний, совсем домашний...

– Не зверь – значит, птица, – задумчиво бормотала девушка, – не птица – значит, рыба... Нам надо найти твоих рыбаков! – громко воскликнула она.

– А я не знаю, где они...

– Надо вернуться, вспоминай, откуда ты шел.

– Не знаю... здесь все такое одинаковое.

– Тебе бы таблички с названиями улиц и номерами домов, – усмехнулась Даша.

В это время парень издал какой-то странный звук, словно крякнул или квакнул. Девушка посмотрела на него. Лицо паникера вытянулось, побледнело, а пальцем он тыкал куда-то в сторону. Она посмотрела туда и замерла от удивления. На толстой столетней

березе в нескольких шагах от путешественников красовалось совсем городская металлическая табличка, какие крепят на углу многоэтажек.

– «Ромашки, 13», – заморожено прочел Павел.

– Это ещё что такое?

– Чья-то злая шутка, – угрюмо определил парень.

– Подожди, здесь мелом пририсована стрелка, – разглядела Даша.

– Интересно, что будет, если мы пойдем, куда она указывает?

– Окончательно заблудимся! – злился Павел.

– Не драматизируй, это же не дикая тайга где-нибудь за Уралом.

Всего лишь небольшой лесок.

– С указателями для желающих заблудиться в трех соснах.

– Ну, где ты видишь сосны?! Еще никто не блудил в трех березах.

– Мы будем первыми.

– Ты как хочешь, а я пойду, посмотрю, куда указывает стрелка, – заявила Даша.

– Вот дура, – пожал плечами парень, – придется идти с ней, а то...

– А то найду что-нибудь хорошее без твоего участия, – рассмеялась девушка. – А если ты еще хоть раз назовешь меня душой, то я со всей дури врежу тебе по голове чем-нибудь тяжелым и закопаю под ближайшей березой.

Не то чтобы Павел поверил в ее угрозы, но на всякий случай шагал молча. И в тот момент, когда его благоразумное терпение едва не уступило место ехидному «я же говорил», казавшийся бесконечным березняк резко кончился. Горожане стояли на высоком берегу чистой и звонкой речки и с удивлением разглядывали раскинувшуюся на другой ее стороне аккуратную деревеньку.

– Вот тебе и «Ромашки», – восхищенно выдохнула Даша.

– Тебе просто повезло, – не сдавался упрямый пессимист; он методично пересчитал домики: – Шесть и шесть, двенадцать.

– А тринадцатый в лесу, – улыбнулась его спутница.

– Странно все это, – поморщился скептик, – еще не известно, как нам перебраться через речку, здесь похоже глубоко, да и течение.

Девушка с высоты всмотрелась в изгиб полноводной преграды и воскликнула:

– Не брюзжи! Если тебя не устраивает крепкий деревянный мост, можешь переплываться вплавь, дело твое, а я пошла!

Эти ее веселые слова нагнали на Павла ещё большую мрачность. Не любил он оказываться неправым, и моста он никакого не видел, и знакомиться с жителями странной деревеньки вовсе не хотел. Пока он дулся и выдумывал, чтобы еще сказать по этому поводу, жизнерадостная горожанка отыскала небольшую вившуюся змейкой тропинку и стала спускаться к реке. Раздосадованный, Павел

отправился ее догонять. Даша бежала легко, вприпрыжку, и узкие туфли не мешали, словно превратились в удобные кроссовки, зато ее спутник запинался о какие-то корешки, поскользнулся на выскакивавших из-под ног гладких камешках и не переставал бурчать:

– Ну, куда меня занесло?! Что за жизнь! Не по мне вся эта дурацкая дикая романтика.

У самой воды он едва не растянулся, шарахнувшись от перескочившей тропинку лягушки. Пока он ловил потерянное равновесие и отряхивал пыльные джинсы, Даше пришлось его ждать; она поинтересовалась снисходительно:

– Ты готов, можно идти дальше?!

– Здесь надо не идти, а плыть.

– Зачем?! – расхохоталась девушка.

К своему немалому удивлению и досаде Павел увидел, что она держится за перила новехонького аккуратного, как иллюстрация в детской книжке, горбатого мостика, сложенного из полукруглых бревен.

– Дерево светлое, будто только что построили к нашему приходу, – мрачно отметил Павел.

– Не понимаю, чем ты недоволен.

– Так не бывает, – убежденно произнес горожанин.

– Ладно, считай, как хочешь, только идем быстрее, мне не терпится узнать, кто живет в этом чудном месте.

Даша побежала вперед через мостик, её спутник шёл следом, осторожно совершая каждый новый шаг, как ходят люди по болотным топям.

– Кто живет, кто живет, – продолжал бурчать он, – в чудном месте живут чудики, еще неизвестно, что от них можно ждать.

Деревенская улочка поразила горожан удивительной чистотой. Заборчики вдоль нее стояли свежеекрашенные, ровные. Домики красовались резными нарядными наличниками. Огороды пестрели яркими пятнами цветущих тюльпанов, нарциссов и сиреневыми кустами. Навстречу путешественникам, важно переваливаясь с ноги на ногу, прошла стайка белых гусей. Птицы гоготали, словно вели оживленную беседу; дружно замолчав, проводили Дашу и Павла внимательным строгим взглядом и отправились к реке.

– Можно подумать, деревенька прячется не в нашей глуши, – с видом знатока принялся рассуждать Павел, – а где-нибудь в центре цивилизованной Европы.

– Виват твоей внимательности, – уела его Даша, – все было бы так, если б крыши домов покрывала черепица, а не шифер.

Продолжая удивлять горожанина цивилизованностью, пробежавший мимо большой лохматый ушастый пес и не подумал облаивать незнакомцев. Только глянул серьезно, как гуси, облизнулся и побежал своей дорогой. Дружной рысью вдоль деревенской улочки проскакали два мощных тяжеловоза. Павел от них испуганно шарахнулся, а сильные животные и не заметили его вовсе. Рыжие жеребцы держались рядом, девушке даже показалось, что они скачут в ногу.

– Почему за ними никто не следит? – возмущался парень. – Вообще, где здесь люди?!

– Пойдем, спросим, – просто предложила Даша.

Они подошли к ближайшему заборчику, на калитке не было даже щеколды, дорожку покрывали цветные плиточки, как в приморских парках. Навстречу горожанам на крыльцо вышла высокая светловолосая женщина. Даша была готова увидеть здесь дородную крестьянку с длинной косой, в русском народном сарафане и в кокошнике. Вполне современный вид хозяйки даже немного разочаровал путешественницу. А Павел успел отметить:

– Ну, слава Богу, люди хоть выглядят обыкновенно.

Женщина снисходительно улыбнулась, она не могла не услышать его странных слов. На радость Павла, и голос у нее был самый обыкновенный, и поздоровалась она очень обычно. Хозяйка охотно пригласила горожан войти в дом, отдохнуть, перекусить. И снова Даша ожидала увидеть нечто особенное: добротное крестьянское хозяйство, века так из восемнадцатого: сундуки, русскую печку, длинные лавки на толстых ножках. Она даже расстроилась, войдя в современную комнату, не лишенную прелестей цивилизации: телевизора, компьютера, микроволновки. Женщина пригласила их сесть на модный кожаный диванчик, поставила на стеклянный журнальный столик пару чашек из французского стекла. Горожанка тоскливо смотрела на все это, ей нестерпимо хотелось чудес. Они начались, как только хозяйка спросила:

– Как вы сюда добрались?

Девушка приготовилась еще раз выслушать рассказ Павла про автобус и пьяных рыбаков, но с ужасом увидела, что он не может вымолвить ни слова, только мычит и страшно выкатывает глаза.

– Что с ним? – ужаснулась Даша.

– Врать собрался, – без тени сомнения ответила женщина.

– А-а-а... – протянула горожанка.

– Здесь нельзя врать, невозможно.

Любопытная девушка решила проверить. Она хотела рассказать про воздушный шар и посмотреть, что будет, ведь все равно не поверят.

– А я сюда прилетела, – начала она и почувствовала, что не может остановиться.

Светловолосая хозяйка присела на подлокотник стоявшего рядом кресла, с улыбкой слушала Дашину невероятную историю.

– ...ведь такое невозможно, – только и успела вставить в свой торопливый рассказ девушка.

– Все возможно, – мягко ответила женщина.

– Но ведь я выбросила его из корзины, а он... он здесь.

Вот уж о чем путешественница вовсе не собиралась говорить. Вырвалось как-то само собой. Услышав такие новости, ее спутник подавился бутербродом и громко закашлялся.

– У всего этого должно быть объяснение! – воскликнула девушка. – Этого не могло быть, но я помню только это.

– Ничего страшного, – успокаивая ее, вздохнула хозяйка, – все оказываются здесь по-разному... И никто не знает – как. Поэтому каждому видится тот способ, с каким они могут примириться. Вот у Павла был автобус, приятели-рыбаки...

– Я же не успел вам рассказать об этом, – сквозь кашель выдавил горожанин.

– А я, выходит, считаю для себя нормой швырять людей... убивать! – возмутилась Даша.

– Ты была очень зла на него...

– Значит, стоит тебе разозлиться... – Павел дико смотрел на свою спутницу, – и ты можешь спокойно... да кто ты после этого?!

У него не хватило слов описать весь ужас от сделанного открытия. Даша почувствовала острую потребность поделиться бродившими последнее время в ее голове мыслями. Она просто не могла удержать рвавшихся с языка слов.

– Я сама хотела бы знать, кто я такая. Сейчас скучное время, людям негде проявиться, раскрыться. Живут все – как одинаковые бледные тени. Проявиться негде, поступка совершить. Вот раньше было проще, понятней, жизнь каждый день показывала – кто есть кто!

– «Кто есть кто?!» – передразнил Павел. – Все люди как люди, все одинаковые.

– Нет не одинаковые! – возмутилась девушка. – Вот ты, например, заяц, трусливый заяц.

Раздался хлопок, словно ветер захлопнул форточку, и на диване рядом с Дашей вместо самодовольно улыбавшегося парня сидел серый худой заяц. Длинные уши, длинные лапы, тревожно бегающие

глазки, нервно дергавшийся нос, испуганная настороженная поза. Девушка брезгливо отодвинулась, пробормотав:

– Зайчики хорошие... что же этот такой гадкий...

– Разве человеком он был лучше?! – спросила хозяйка, ни капли не удивившись случившемуся.

Даша пожалала плечами.

– Я его почти не знала, мы совсем недавно познакомились. Наверное, придумала его себе таким, каким я хотела видеть, а сегодня несколько раз убедилась, что он совсем другой.

Окно, находившееся напротив диванчика, громко скрипнув, распахнулось, и в комнату просунулась желто-коричневая украшенная крохотными рожками и черными пушистыми кисточками голова жирафа. Благодаря своей бесконечно длинной шее жираф дотянулся до журнального столика, ухватил губами лежавшую в вазочке печенюшку. Гостья лишилась дара речи, а хозяйка обыденным привычным жестом шлепнула жирафа по шее, рассмеялась.

– Василич! Опять ты пользуешься своими преимуществами при чужих людях!

– Они уже не чужие, – послышалось Даше сквозь чавканье.

– Ты прав, конечно, – охотно согласилась хозяйка, – но все твои сногшибательные идеи перескажешь мне вечером.

Голова жирафа шумно вздохнула и убралась восвояси. Жираф отошел от домика, перешагнул заборчик и остановился на дороге в глубокой задумчивости – великолепной картиной в раме окна.

– Не все такие странные, – извиняющимся голосом объяснила хозяйка.

– Что это было?! – раздался раздраженный голос Павла.

Девушка резко повернулась к нему, ее спутник, как ни в чем не бывало, сидел рядом на диванчике такой же, как обычно: худой, сутулый, носатый и футболка все та же.

– Так что это было?! – настойчиво повторил парень.

– Неважно, – откликнулась светловолосая женщина, – ты все равно ничего не вспомнишь... потом.

Павла глубоко оскорбили эти слова, правда, он не понял, на что именно обиделся; кажется, он уже начинал забывать все, что видел в этом странном месте. Зато Даша жадно собирала новые впечатления, ей все было интересно и все хотелось знать.

– А «Ромашки, 13», – спросила она, – зачем в лесу адрес?

– Это волшебное место, – улыбнулась хозяйка, – там сбываются самые заветные желания. Нужно только прикоснуться к березе.

«Я обязательно проверю», – подумала девушка.

– Нам пора, мы уже давным-давно бродим по лесу, – забеспокоился Павел.

– Ну, пора так пора, – не стала их удерживать хозяйка, – обратно ступайте по тому же пути, теперь он будет втрое короче.

Преданный законам физики парень, конечно, усомнился в возможности подобного, недоверчиво хмыкнул, но промолчал и только настойчиво тянул свою спутницу за руку.

– Пошли, пошли быстреей, у нас мало времени, того и гляди стемнеет.

Девушка только успела вежливо проститься с гостеприимной женщиной и сама не заметила, как они оказались на другой стороне реки. Павел все брюзжал:

– Ну и нафига мы сюда перлись?! Бестолковая деревня! Попили чайку, пожевали будербродов, эка невидаль!

– Дурак! – огрызнулась Даша. – Дранный заяц – он и есть дранный заяц.

Горожанин не имел ничего против зайцев, но на всякий случай обиженно надулся.

– Не обзывайся... – потребовал он.

Девушка его перебила воскликнув:

– «Ромашки, 13!»! Смотри, мы дошли до березы с табличкой!

– Не может быть, – бурчал знаток физики и геометрии, – прошло слишком мало времени, прошлый раз мы добирались гораздо дольше. Это ненормально!

– Здесь все ненормально, это же здорово! – воскликнула радостная Даша. – Теперь не отвлекай меня, я придумаю желание.

– Глупости это все!

– Вот и проверим.

Девушка задумалась на мгновение, решительно подошла и погладила гладкий березовый ствол.

– Хочу узнать, кто я на самом деле.

– Нашла чего желать, – фыркнул ее спутник, – если это дерево способно только на такую ерунду, я и вовсе ничего желать не буду, хотя...

Скептик тоже быстро подошел к березе и прижал ладонь к стволу.

– Хочу согреться, а то я здесь совсем замерз.

Горожане пошли дальше, уже минуты через две Даша воскликнула:

– Смотри, это то самое место, на котором мы с тобой встретились, здесь все и началось.

– Быть этого не может, простейшая задачка: если расстояние между двумя точками А и Б в прошлый раз была равна 5 км и точки

остались неизменными, – методично принялся объяснять Павел, – то и второй раз это расстояние должно остаться 5 км! Если мы шли туда несколько часов, то преодолеть это расстояние по той же дороге за 10 минут невозможно!

Пока он рассуждал, легкий весенний ветерок, игриво толкавший их в спину, сменил направление и ударил прямо в лицо, принес душный смрадный запах гари.

– Там впереди лес горит, – ахнула Даша, – все ты, со своим желанием погреться!

– Я здесь не причем! – громко возмутился парень. – Все эти желания – ерунда! Неужели ты сама веришь в чепуху.

– Ох, мы сейчас погреемся! – не слушая его, причитала девушка.

Сизая дымка стелилась по траве, окутала, закрыла дальние деревья горьким едким воздухом, стало трудно дышать.

– Знать бы, кто это устроил! Вот я бы их! – грозились девушка.

– Теперь поджигателей не найти, они уж далеко, пойдем и мы отсюда! – уговаривал Павел.

Но Даша была настроена решительно, она уже прикинула, чем будет сбивать пламя, когда огонь подберется ближе, – решила пожертвовать еще недавно столь дорогим ей плащом, но события повернулись неожиданно. Возле поляны, на которую опустился воздушный шар, девушка увидела темные силуэты. Она присмотрелась и различила троих одетых в черное громил с большими автомобильными канистрами.

– Поджигатели!

Смелая девушка бросилась к незнакомцам. Они уже собрались разливать бензин и поджигать.

– Не смейте, прекратите! – закричала она.

Ее порыв вызвал у поджигателей только приступ смеха.

– Да что ты можешь, девчонка?! – крикнул тот, что был ближе к Даше.

– Я заставлю тебя пить этот бензин!

– Ой, как страшно! – расхохотался рослый парень. – Напугай нас еще лесником и пожарными! Им никогда нас не поймать!

– Паша!

Она обернулась к своему спутнику, невольно ища у него помощи. Но там, где только что стоял Павел, на траву плюхнулся серый дранный заяц. Даша не сдавалась:

– Разорву!

К восторгу девушки, ее слабый голос внезапно окреп и грозным львиным рыком прокатился над поляной. Громадная зверюга тряхнула густой ярко-рыжей гривой. Лев прыгнул на ближайшего качка, ударил

лапами в грудь, повалил на землю. Выпавшая у того из рук канистра упала рядом, бензин стал плескаться на землю у самой головы поджигателя. Лев придавил его одной лапой, другой пододвинул канистру ближе; бедному парню показалось, что зверь с издевкой ухмыльнулся. Едва живой от ужаса, поджигатель покорно глотнул бензина. Царь зверей удовлетворенно отвернулся, шагнул к двоим оставшимся – остолебеневшим от страха громилам. Те, громко заорав, бросились к ближайшей березе и в мгновение ока оказались на ней, хотя нижняя ветка и росла от земли метрах в четырех. Зверю понадобилось только тихонько рыкнуть – и третий поджигатель присоединился к ним. После этого громадная африканская кошка вальяжно развалилась на траве под деревом, лениво отмахиваясь хвостом от назойливых мух.

Время шло, отсчитывая томительные, казавшиеся сидевшим на дереве бесконечными минуты. Лев всем своим видом демонстрировал, что ему некуда торопиться, подставлял солнышку светлое брюхо. Заяц смиренно сидел в траве.

Когда на поляну выбежал запыхавшийся бородатый лесник и наткнулся на сидевшую под березой хрупкую девушку, он не мог сдержать сокрушённые жалобы:

– Опять ушли! Ушли, поджигатели проклятые! Ребята, конечно, уже все затушили, благо хватились вовремя... да наказать некого, не то я бы им устроил. Вы не видели здесь троих парней? – спросил он без надежды на положительный ответ.

– Конечно, видела, – скучающим голосом отозвалась Даша.

– Где они? То есть, куда убежали?

– Не убежали, вон все трое.

– Где? – не поверил растерянный лесник.

– На березе.

Девушка указала на белоствольное дерево, увешанное, словно спелыми плодами, перепуганными громилами.

– Ого, кто ж их туда загнал?! – совсем растерялся бородач.

– Не знаю, – пожал плечами девушка. – Может, совесть.

Тонкая шпага

1698 год. Англия

Ужасный город Лондон! Стоявший у камина полный розовощекий парень в потертом кафтане зябко поежился, протянул руки к огню. Дождь шел уже целую неделю! Одно было утешение – жаркий очаг. Борис неохотно отвернулся от пламени, с надеждой глянул в высокое готическое окно: крупные безутешные капли текли по квадратикам стекол в свинцовом переплете.

– Безнадега. И как люди только живут в такую погоду?

За окном дождь мочил сложенные из темно-серых камней стены домов, шлепал по лужам на брусчатке мостовой, мутным потоком струился по сточной канавке.

– Подумать только, ведь сейчас весна. А больше походит на осень. Здесь, наверное, просто нет других времен года, только зима и осень. Ни за что не смогу жить здесь долго.

Парень разговаривал сам с собой, его возмущения некому было разделить; большая полутемная комната была пуста и безрадостна, как погода за окном. Всю её обстановку составляли массивный стол из темного дерева и стул с высокой спинкой. Парень громко вздохнул и, махнув рукой, подошел к столу. Хотел заняться делами, переложил листы плотной бумаги с места на место, поднял перо, покрутил в пальцах и бросил на стол.

– Вот уже четвертый месяц торчим в этом дурацком городе! И что царь Петр в нем нашел? Ему хорошо, корабли учится строить, на верфи топором машет, ему, наверное, тепло. А меня не пустил, велел язык учить, бумаги писать, с англичанами разговоры разговаривать. У-у-у, зануды! Зубы сводит! Все у них по правилам. На каждое дело своя традиция, – возмутился молодой писарь.

С Великим посольством царь Петр привез в Европу 250 человек. Среди них были и родовитые бояре, и дворяне, искавшие царской милости, и те, кто от этой поездки ничего не ждал, только исполнял строгий приказ.

Борис Стрешнев был роду захудалого. В царскую свиту попал случайно, сболтнул сдуру, что легко чужеземные слова запоминает. Вот пока Лефорт да Головин вершили трудное дело дипломатии – союзников искали против шведского короля Карла, Борис как заведенный твердил непонятные немецкие да английские слова. Потом переводил боярам путанные речи местных вельмож да купцов. Жаль, для Петра Алексеича толмачить не пришлось. Тот сам скорей переводчиков научился понимать лордов да бюргеров. Борис и видел-

то царя близко только один раз, когда вздумалось русскому монарху своими глазами взглянуть на аглицкую диковину – огромный оксфордский университет. Поташил тогда Петр с собой чуть ли не всех, кого привез в Англию. Россияне бродили, рты разинув. Ахали да охали, повторяли как заведенные, что этакое заведение на родине не получится, а Петр из-за упрямства пообещал и у себя университет открыть.

– Да кто ж там обучаться станет? – фыркнул грузный боярин Толстой.

Тогда и выхватил Петр из толпы приехавших с ним первое попавшееся молодое лицо. Потянул Стрешнева к себе:

– Вот такие будут обучаться, неужели у нас талантов мало?!

Коренастый Стрешнев задрал голову, восхищенно посмотрел на молодое смелое лицо Петра. Гладко выбритый, улыбчивый, а до чего же высоченный! Здесь в Европе первые этажи так низко, что русский гигант мог и на второй заглянуть. Царь вызывал у Бориса искреннее восхищение. Вот только тесное европейское платье было ему не по душе. Хотя... долгополые российские кафтаны мешали и верхом ездить, и пешком ходить быстро.

– О чём замечтался?

Появление Головина застало Бориса врасплох. Он-то всегда старался выглядеть занятым и прилежным, а тут задумался, глядя в окно, будто красная девица. Боярин пригладил кудрявый парик, потянул душивший его белый шейный платок, оправил короткий темно-зеленый английский кафтан, картинно положил левую руку на эфес новенькой шпаги. Он был настроен благодушно и не стал бранить писаря за безделье. Только сказал весело:

– Брось свои грезы, принимайся за дело. Петр Алексеич с англичанами по рукам ударили. Уговорили его местные негоцианты хитрую бумагу подписать. Чтобы только им было позволено к нам в Россию табак возить.

– Табак? – удивился Стрешнев. – Зачем он нам?!

– По мне так не нужен совсем, да Петру Алексеичу приглянулась привычка моряков курить трубки.

– Что ж, он теперь прикажет всем курить, – ахнул Борис, – как бороды брил всем подряд.

– А прикажет – и будем курить, – насупился Головин, – ты, чем царские решения обсуждать, делом займись, перепиши.

Боярин положил на стол гербовую бумагу, исписанную затейливыми вензелями.

– Разберешь, что тут англичане намудрили? Займись, да сделай поскорей; Петр Алексеич велел быстрее проверить – нет ли какого подвоха – да сделать копию.

– Ему всегда быстрее, всегда срочно.

– Наш царь спешит, видно большие дела задумал.

– Знать бы только, чем это обернется.

– Какой ты мрачный, молодому нельзя быть таким. Брюзжишь, словно старикашка. Влюбиться тебе надо, жениться.

– Вот вернусь домой, тогда можно и жениться.

– Смотри, ты мне обещал, – рассмеялся Головин. – Ладно, хватит болтать, делом займись. Велю тебе свечу принести, а то с этим дождем не разберешь – день или вечер.

Боярин уже направился к двери, взялся за ручку, да обернулся:

– Послушай, ведь ты дворянин?

– Само собой.

– Я знаю, что царь хочет у нас ввести европейские порядки, шпаги и все такое... Так я подумал, чего тебе потом вместе со всеми нашими отроками учиться у наемников шпажному бою. Займись этим здесь, говорят, мастера есть отличные. Вернешься в Россию – других обучать станешь. Вместе со свечой Гришка занесет тебе адресок одного умельца.

Борис поблагодарил, на самом деле не очень-то довольный новым поручением. Как только Головин ушел, писарь взялся разглядывать бумаги, но только напрасно шурился: смысл иностранных слов в красивых вензелях ускользал от него. Стрешнев опустил на корточке у камина, поднес бумагу ближе к свету. Вдруг от сырого бревна в мелких сучках отскочил крохотный уголек и упал на лист! Мгновение – и он прожег в бумаге дырку и свалился на пол. Борис в ужасе прижал прожженный уголок полой кафтана, чтобы не вспыхнул весь договор. Он затаил дыхание, боялся посмотреть – велика ли беда.

– Царская бумага! – причитал писарь. – Угрозило ж меня сесть к огню. Нет, чтоб дожидаться Гришки со свечой, куда спешил?! Я же не царь Петр – мне торопиться некуда, великих замыслов не вынашиваю.

В это время дверь мерзко заскрипела и вошел тот самый Гришка, держа в одной руке массивный бронзовый канделябр, а в другой обрывок бумаги. Стрешнев сразу выпрямился, приосанился, как ни в чем не бывало, положил царский договор на стол. Но дух перевел только тогда, когда за слугой закрылась дверь, глянул на злополучный договор.

– Фуф, дырочка совсем маленькая, может, и не заметит никто. Нет! – сам себе ответил писарь. – Сразу заметят. Но, может, так и было!

Писарю удалось успокоиться, в конце концов, если что и будет, так что толку заранее себя бранить и страшать. Он с головой ушел в премудрости перевода, кусал кончик пера, то и дело глубоко задумывался, подбирая точное слово. Потом сосредоточенно медленно выводил на бумаге красивые буквы, даже приоткрыл рот от старания. Только полностью завершив дело, Стрешнев поднялся из-за стола. Полюбовался проделанной работой и погасил почти догоревшую свечу.

Борис ахнул от неожиданности, вдруг оказавшись в полной темноте, – за окном уже спустилась ночь, а в камине давно догорели последние угли.

На следующее утро, отпросившись у Головина, Стрешнев неожиданно для самого себя оказался абсолютно свободным человеком. Только покинув опостылевшую гостиницу, он обнаружил, что дождливая мерзость, наконец, кончилась, и весна стала похожа сама на себя. Небо очистилось, веселую голубизну не нарушало ни облачка. Солнце залило ярким золотым сиянием узкие мрачноватые улочки Лондона.

– Подумать только! Здесь тоже бывают чудесные дни! – восхищенно воскликнул Борис.

По совету своего начальника он отправился разыскивать мастера фехтования. Зажав в руке заветный обрывок листка с адресом, парень уверенно шагал по брусчатке мостовой.

– Удивительно, какой во всем порядок у этих англичан. Улицы ровные, дома с номерами, захочешь, не потеряешься, – рассуждал русский путешественник.

Но все же прекрасная погода не могла изменить его отношения к этой стране и ее жителям. Англичанки по-прежнему казались ему удивительно не женственными, не приятными созданиями.

«Такие носы, челюсти, глазки бесцветные, как у рыб! Это ж надо, такой внешностью бог наградил», – пустился в размышление молодой человек, встретив двоих удивительно схожих горожанок.

Англичанки прошли мимо, и мысли Бориса приняли совсем другое направление.

«И зачем мне учиться фехтовать?! Ну, что такое! Одна напасть пуще другой. То сиди пиши целыми днями, выводил их дурацкие буквы-закорючки, то беги шпагой маши! Будто мне без этого жилось плохо».

Стрешнев подставил щеки теплым солнечным лучам, ему хотелось улыбаться, но он, стараясь придать лицу солидное, серьезное выражение, пытался вспомнить еще что-нибудь неприятное. Принялся искать недостатки в английском языке:

«Алфавит у них какой-то куцый, ну куда это годится? Всего двадцать шесть букв? Они, небось, наших слов и написать не смогут».

Он свернул в один переулочек, другой и вскоре уже стоял перед массивной дубовой дверью господина Джона Макгринна.

– Вот, и вход в дом у них прямо с улицы, ни тебе крыльца, ни палисадника, – успел фыркнуть Борис, прежде чем дверь открылась и на него уставились рыбы глаза настоящей английской служанки.

– Э-э-э... господин... у себя?

– Разумеется, сэр.

Служанка показала Стрешневу надменной, как королева Британии. Она вовсе не желала помочь растерявшемуся парню.

– Я... Пришел к господину Макгрину, – начал Борис сначала.

– Он занят, – отрезала суровая женщина.

Гость окончательно забыл, что должен делать. Борис вздохнул так громко и горестно, что камни мостовой готовы были заплакать. Смягчилась и суровая служанка.

– Я пойду доложу, быть может, вас примут.

Произнеся эти полные великодушия слова, она вполне хладнокровно закрыла дверь перед носом пришедшего и удалилась. Парень остался ждать. Прошло не меньше четверти часа, прежде чем заветная дверь снова открылась, на этот раз гораздо шире, чем первый раз, и прежняя англичанка строго скомандовала:

– Идите за мной.

Борис вошел в дом, уже немного жалея о том, что дождался возвращения служанки. Вся ситуация казалась ему странной и даже неприличной. Россиянин утешал себя одной мыслью:

«Значит, у них так принято».

Англичанка шествовала торжественно и медленно, любопытный парень разглядывал ее накрахмаленный белый чепец, шерстяную полосатую юбку, недовольно прикидывал, что не хотел бы видеть такие наряды на москвичках. Он в который уже раз проговаривал в уме все, что собирался сказать преподавателю фехтования. Борис с трудом себе представлял этого человека; уже познакомившись с некоторыми жителями Лондона и при виде монументальной величественности каждого шага служанки парню казалось невероятным, что англичанин может преподавать фехтование.

Стрешнев даже споткнулся, когда неожиданно услышал веселый молодой голос.

– Ну что вы ползаете так медленно? Неужели нельзя двигаться энергичней, ведь вы еще не старуха.

Через мгновение россиянин увидел высокого худощавого мужчину в черном кафтане. Он-то ожидал увидеть пожилого солидного англичанина с двойным подбородком и брезгливым выражением лица. А улыбчивому Макгрину было никак не больше тридцати. Хозяин дома подбежал к Борису и схватил его руку.

– Вы себе не можете представить, как меня утомляют местные церемонии. Наверняка вы тоже в ужасе! – воскликнул он, позабыв даже познакомиться.

Стрешнев открыл рот и закрыл. Заготовленная им речь совсем не подходила к моменту. Хозяин указал ему на удобное кресло:

– Присаживаетесь, друг мой, и рассказывайте, рассказывайте, какая нужда привела вас в чужие края.

– Откуда вы знаете? – промямлил Борис. – Я ведь не успел представиться.

– Я сразу вижу по вашей манере двигаться, что вы попали в абсолютно незнакомую обстановку.

– По манере двигаться?

– Хороший фехтовальщик по нескольким движениям своего противника должен понять о нем все. Абсолютно все.

– Это так сложно... наверное, – произнес Стрешнев, – вы настоящий мастер...

– Какой я мастер?! – хлопнул себя ладонью по лбу Джон. – Я невоспитанный грубиян – и только! Простите, я даже не дал вам времени представиться.

Борис поспешил исправить досадную ошибку, поклонился и объяснил, что привело его в этот дом.

– Прекрасно! – воскликнул англичанин. – Должен признаться, я отчаянно любопытен, так что если вы согласитесь баловать меня рассказами о вашей далекой Родине, я, не раздумывая, за весьма умеренную плату, соглашусь обучить вас всему, что умею сам.

Россиянин расплылся в счастливой улыбке. Ему положительно все больше нравился этот человек. Общение с ним и без того было легким и приятным, да ещё появился повод поговорить о доме.

– Когда желаете начать? – спросил Макгрин.

– Чем скорее, тем лучше!

– Тогда, если вы не против, мы можем начать немедленно.

– Прямо сейчас? Хорошо.

Учитель и ученик прошли в соседнюю абсолютно пустую комнату. Бориса поразила висевшее на стене большое, почти в полный человеческий рост зеркало. Заметив его взгляд, Джон объяснил:

– Чтобы правильно и красиво двигаться, порой просто необходимо взглянуть на себя со стороны. Можно сколько угодно слушать других, но только в зеркале увидеть, как смешно ты жестикулируешь.

– Разве это так важно?

– Уверен, вы скоро сами все поймете. Что ж, приступим.

– Но у меня даже шпаги нет.

– Это не страшно, для занятий я уступлю одну из своих, выбирайте!

Мастер указал Борису на дальнюю стену, сплошь увешанную холодным оружием. Россиянина поразил своей длиной огромный двуручный меч из темной стали.

– Нравится? – весело спросил хозяин.

– Это какой же великан дрался таким оружием?

– Это рыцарская шпага, для всадника.

– Шпага, но... я думал вы называете этим словом только современный тонкий клинок, а это...

– Строго говоря, мы так называем любой меч, а большой или маленький – зависит от моды и хозяина.

– Зря мне говорили, что английский язык простой, я, наверное, никогда не разберусь во всех тонкостях.

– В изучении языков я вам не помощник, мое дело фехтование. Вооружайтесь лучше вот этим современным мечом, а потом вы разживетесь и собственным оружием. Кстати, а каким оружием дерутся у вас на Родине?

– Стрельцы у нас вооружены саблями.

– Так где, говорите, находится ваша страна?

– Далеко на севере или, может быть, я даже не знаю, как вам объяснить.

– Ну, вы плыли по морю?

– Нет, мы тряслись по дорогам долгие месяцы.

– Стойте, я, кажется, понял, ведь мне рассказывали о России наши негодяны. Они твердили, что ваша страна невероятно богата, говорили, что весь такелаж на наших кораблях из вашей пеньки. Хотел бы я побывать в России.

– Как раз это проще всего. Мы прибыли к вам специально, чтоб завербовать мастеров разных ремесел.

– Вряд ли меня можно называть настоящим мастером, – заскромничал Джон, – к тому же...

Он замаялся, словно не зная, стоит ли доверить новому знакомому драгоценную тайну.

– Давайте лучше займемся делом. Современный бой нельзя начинать без достойного приветствия. Я покажу вам несколько

вариантов, выбирайте сами. Встаньте вот так напротив противника, да выпрямитесь, ваша поза должна выражать гордость и достоинство. Сделайте три удара ногой, два из которых делаются пяткой, а третий всей ступней.

Борис старательно топал, повторяя движения Макгринна.

– Теперь перенесите левую руку к шляпе, – продолжал Джон, – не тряся при этом головой, смотрите на своего противника...

– Какие церемонии перед дракой, – фыркнул Стрешнев.

– В наши дни фехтование стало таким же галантным, как танцы. Это настоящее искусство полное хитрых приемов, захватов и подножек. А не грубое размахивание палкой, как пару веков назад.

– Ваши мечи похожи больше не на оружие, а на тонкие прутики, чтобы отмахиваться от мух!

– Поверьте, я сумею научить вас тому, что этого прутика будут бояться все ваши враги.

– И все же сабля кажется мне гораздо надежней.

– Вы прямо как шотландец, со своим климором! – рассмеялся веселый Джон. – Но мы опять заболтались. Нам следует вернуться к упражнениям. Нападайте. Ангард...

Дни шли за днями. Борис, втянувшись в частые занятия фехтованием, уже через неделю скучал и зевал, склонившись над новым переводом. А быстрые озорные мысли уже неслись к Макгрину, может, оттого, что погода наладилась, а может, потому, что Стрешнев перестал себя чувствовать в этой стране одиноким, Лондон уже не казался ему громадным мрачным чудовищем. Весна вступала в свои права, и Борису все труднее было сосредоточиться над монотонным переписыванием бумаг. Ноги сами несли его на улицу.

Однажды, махнув рукой на никак не выходявшее у россиянина упражнение, Джон предложил весело:

– Брось. Фехтование – это не зубрежка латыни, тупеть от повторения бесполезно. Идем, лучше я покажу тебе свои любимые места города. Даже здесь найдется пара довольно сносных уголков.

Стрешнев охотно закивал, ему все больше нравился лондонский знакомец. И все же этот человек во многом оставался для него загадкой. Едва они шагнули на мостовую, Борис приступил к расспросам.

– А как ты успел так отлично научиться владеть шпагой, что теперь других наставляешь?

– А я больше ничего и не умею. Помнится, дед всю мою юность твердил, что оружие должно меня кормить; только прошли времена,

когда лорды сорились между собой и дорого ценили хороших бойцов. Теперь настает век галантный. Шпага становится не оружием, а эффектным аксессуаром. Куда мне было податься в столице?! Только и остается натаскивать жеманных кавалеров.

– Что ж, и я такой? – приготовился обидеться Стрешнев.

– Тебе до них не хватает парчи, кружев и духов, – рассмеялся Джон, – да и по характеру ты мне куда больше приятен. Если все русские такие, то шотландцы легко с вами договорятся.

– При чем тут шотландцы?

– Как при чем? Неужели я тебе до сих пор не рассказал, что не все здесь скучные англичане? Я в этом городе чужой, мы с отцом не так давно приехали из Шотландии. Знал бы ты, как настоящие лондонцы нас тихо ненавидят.

– Они все делают тихо, – раздраженно буркнул Борис. – Куда ты меня ведешь? К реке?

– Терпеть не могу Темзу! Серая, неспешная. Вот у меня на Родине...

– А вот у нас речки! Без лодки не переплывешь, нечего и пытаться. Ты не представляешь! – воскликнул парень. – Ты непременно должен побывать в России!

Так они и бродили по английской столице, наперебой расхваливая каждый свою родину. И походя браня чопорных, холодных англичан.

– Нет, я ни за что не смог бы поселиться среди этих людей! – в который уже раз воскликнул Борис.

– Ох, не зарекайтесь друг мой. Наша жизнь полна сюрпризов.

– Не представляю, что могло бы удержать меня в этом месте.

Сидя на следующий день за своим заваленным бумагами столом, Стрешнев то и дело отрывался от работы, поднимал голову и покусывал кончик пера, мечтательно глядя в окно. Ему было приятно вспоминать вчерашнюю прогулку. Правда, ориентироваться в Лондоне лучше он так и не стал, но невольно начал примиряться со всей поездкой. Переписывание бумаг тяготило Бориса своей нудностью и обязательностью. Он часто зевал и едва не наставил жирных клякс.

Из сонливости его вывел резкий звук распахнувшейся грохнувшей о стену двери. В уютную комнату переписчика вихрем ворвался боярин Головин. На нем лица не было. Он был смертельно бледен, дышал прерывисто и дико озирался.

– Что-то случилось? – флегматично, как англичанин, поинтересовался Стрешнев.

– Случилось! Еще как случилось! Это все ты, супостат, устроил! – гремел боярин.

– О господи, что ж я натворил?! – не на шутку взволновался переписчик.

– Царь... Петр Алексеич в бешенстве!

Боярин стянул с лысой головы пышный кудрявый парик, вытер им потное лицо, в сердцах швырнул в угол. Головин перевел дыхание, шумно вздохнул.

– Ох, горяч наш царь-батюшка! Молод, горяч, кого ни попадя колотит палкой.

– Какой палкой?

– Ты трость его видел с костяным набалдашником?

– Видел, тяжелая, – вздохнул Борис.

– Вот ею Петр Алексеич нас и охаживает по спинам. Тебя требует.

– Зачем? За что?

– Дырку на договоре кто прожег?

Борис виновато потупился.

– Как увидел царь это безобразие, – раскрасневшись от праведного гнева, громко рассказывал Головин, – сразу пришел в бешенство... кричит, ногами топает, нет от него спасу. Иди вот теперь, сам получай свои тумачи. Негоже здесь отсиживаться.

– Иду, иду, – безрадостно согласился Борис.

Ох, и досталось ему от скорого на расправу Петра Алексеича. Гневных слов царя Стрешнев не слушал, сперва пытался объяснить про уголек, да понял, что бесполезно, и молча ждал смены настроения вспыльчивого монарха. Как не раз уже случалось, спасение принес Меньшиков. Он возник неведь откуда, подскочил к царю, стал кричать...

– Минхерес... Минхерес, опоздаем! Англичане новый корабль со стапелей без нас спустят!

Петр опустил свою трость, посмотрел на Стрешнева грозно, сказал, роняя слова, как пудовые гири:

– Пошел вон! И не смей мне на глаза показываться!

Сутулая фигура высокого монарха стремительно ринулась из покоев. Петру пришлось низко поклониться, чтоб пройти в обычную дверь. Уже с лестницы донесся его зычный окрик:

– Алексашка! Ну, где ты там?

С Борисом случилась худшая из бед. Он накликал страшную немилость царя. И все или почти все царедворцы уже об этом знали. Он бросился за помощью к Головину.

– Спрячь, батюшка, сохрани! Дай затаиться, пересидеть опалу!

Да боярин только глянул холодно, словно и не знал Стрешнева вовсе. И все вокруг стали делать вид, будто впервые видят Бориса. И дома-то, в Москве, такое положение было страшно, а здесь, в чужой стране, и подавно!

Стрешнев шагал по улице, горько повесив голову. Черная бездна отчаяния казалась ему безграничной. Борис не выбирал дороги, и ноги сами привели его к дому Макгринина.

– Глупо просить помощи малознакомого человека, к тому же иностранца, – шепнул сам себе парень.

Он не успел даже постучать в дверь, как она чудесным образом отворилась, и серьезная, как всегда, служанка произнесла обыденно:

– Вы вовремя, сэр. Господин Макгрин о вас уже спрашивал.

– Спрашивал?! – поразился Борис. – Я же не должен был сегодня приходить. Следующий урок только завтра.

Джон встретил россиянина широкой улыбкой.

– Я знал, что вы появитесь именно сегодня. Интуиция меня не обманула. Ну, что за кислая мина? Что у вас стряслось?

– Лучше не спрашивайте... я ума не приложу, как теперь буду жить. Что делать?!

– Мой прадед, покойник, любил повторять, что в безвыходных ситуациях всегда помогает хорошая драка. Давайте ее хотя бы сымитируем! Мечи к бою, друг мой.

Борис покорно поплелся за учителем фехтования, заранее уверенный, что совет старого шотландца ему не поможет. Первые движения клинком он совершал вяло, как во сне. Но настойчивые выпады Макгринина сделали свое дело, и Борис ощутил, наконец, гнев и ярость, пришедшие на смену его апатии и унынию. Джон продолжал его подзадоривать, и вскоре Стрешнев стал вкладывать в каждый удар все свои силы. От такого фехтования противники быстро выдохлись. Усталость разом одолела обоих. Они опустились рядышком на пол возле стены, положили шпаги.

– Все! – задыхался Борис. – Не могу больше!

– А больше и не надо! Признайтесь, ведь вам стало легче.

– Как ни странно, – задумчиво протянул Стрешнев, – в голове ни одной тревожной мысли, и на душе тишина. Прав был ваш дед.

– Мудрый был старик, – кивнул шотландец.

– Только что мне делать дальше – по-прежнему неизвестно!

– Ну вот, а вы еще меня звали служить вашему королю, а теперь и сами остались без службы.

– Стойте, я же еще ничего не рассказал! – возмутился россиянин.

– Да по вам и так видно. Я видел людей такими потерянными, только когда их выгонят с хорошего места.

– Вы правы. Меня выгнали... Ух, как меня выгнали... – протянул Борис, потирая побитые бока.

Джон стал серьезным, сказал негромко:

– Сейчас, конечно, момент не подходящий, но я давно собирался... Понимаете... Я в Лондоне живу не один...

– Так вы женаты? – порадовался за друга Борис.

– Нет, не то... У меня есть сестра...

Макгрин оборвал разговор, предложил весело:

– Идемте пить чай! Вы ведь уже знаете, что здесь пьют чай всегда в одно и то же время. Вот и настало время чаепития.

Стрешнева первый раз в этом доме пригласили к чаю. Он почти позабыл свои горести и с любопытством рассматривал убранство столовой. Особенно понравился россиянину круглый стол в середине комнаты, белая накрахмаленная скатерть и маленькие фарфоровые чашечки на круглых блюдах. Борис даже погладил скатерть рукой.

– Согласно английскому этикету, – рассуждал Джон, – на столе не должно быть ничего лишнего. Никакой скатерти, а для хлеба подают специальные блюда. Но стол, накрытый на французский манер, кажется мне гораздо уютней.

Россиянин только кивнул: сколько он ни жил в этой стране, но все не мог разобраться в сложных традициях и правилах. Посуду расставляла неспешная и величественная служанка, а Борис все смотрел, когда же она принесет сам чай. Ему уже доводилось пробовать этот напиток, и Стрешнев был очень рад, когда узнал, что царь Петр собирается ввести в России чаепитие. Правда, он слышал, что монарх предпочитает кофе, но Борису чай показался гораздо вкуснее. В это время дверь скрипнула, гость посмотрел в ту сторону.

– Вот, сестрица, выполняю свое обещание, познакомься с моим учеником с далекого севера, – мягко произнес Джон.

Стрешнев поклонился, девушка присела и потупилась. Борис понимал, что крайне невежливо уставился на нее, но не мог отвести глаз. Светлые кудри обрамляли прелестное личико с ровным прямым носиком, тонкие губы были красиво очерчены. Гость успел заметить большие голубые глаза. Макгрин подал сестре руку.

– Это из-за нее я не могу уехать из Англии. Ну, кто же тогда останется здесь и будет о ней заботиться?

– Я, – восторженно выдохнул Борис.

После дождя

Андрей был уверен, что спит и видит сон. Но гранитная стена перед самым носом была совершенно реальной. Шершавой и холодной. Он не сразу понял, что лежит на дне узкого глубокого ущелья. Темная каменная стена поднималась почти отвесно и терлась где-то далеко наверху. Вокруг было темно и мрачно. От камней тянуло холодом и безнадежностью. Стена была страшным, непобедимым воплощением отчаяния. Он вскочил на ноги, принялся шарить по граниту, ища хоть малейший уступчик, чтобы зацепиться. Ему удалось приподняться и начать двигаться вверх, держась только кончиками пальцев и носками то и дело соскальзывавших кроссовок. Андрей изо всех сил упрямо полз вверх. Не зная – зачем, но твердо уверенный, что это – единственный выход. Рука нащупала крохотную покатую площадку, он подтянулся, забрался на нее и смог выдохнуть с облегчением. На мгновение чуть-чуть расслабился, прикрыл глаза и...

От мрачной стены не осталось и следа, он сидел один-одинешенек прямо на старинной истертой каменной мостовой. С серого неяркого неба сыпались крупные теплые капли летнего дождя. Андрей провел рукой по лицу: хорошо, что кошмар кончился. Он оглядел себя, все как всегда: кожаная куртка, джинсы, кроссовки... вполне современный, абсолютно нормальный журналист. Парень убрал с глаз челку:

– Пора стричься.

Рассуждения о парикмахерской заставили внимательней посмотреть кругом. Город как город. Вполне современный, без причуд и странностей из страшных снов. Только город незнакомый. Скорее всего какой-нибудь европейский, где современное стекло и бетон мирно соседствуют с затейливой архитектурой прошлых времен: каменной резьбой, балконами, арочками...

– Значит, так, – парень попытался включить логику, – если это Европа, то я турист; если я здесь один, значит, отстал от экскурсии. Мерзкая ситуация. И где все люди?!

Он сам себя сумел не на шутку встревожить.

– Скорее надо выбираться туда, где можно просто спросить дорогу, – бормотал он и торопился, почти бежал вдоль узких извилистых улочек.

Прохожих так и не было.

– Неужели я все еще сплю? – озадачился Андрей.

Он нырнул под своды очередной низкой арки. Там было совсем темно, и, подтверждая его предположение, тьма только сгущалась. Еще через десяток шагов Андрей вышел из нее на яркое солнце. Желтые лучи слепили глаза, обдавали ласковым июльским теплом. Парень невольно зажмурился. Открыл глаза и воскликнул, пораженный:

– Ничего себе.

В желтом солнечном сиянье под ярко-голубым куполом неба, куда ни глянь, разлегся бескрайний зеленый луг. Ветерок чуть волновал высокие сочные травы, превращая их в подобие морских волн. Далеко, возле самого горизонта, исполином поднимался громадный толстый дуб. Андрею просто не пришло в голову, какое еще дерево могло вырасти таким огромным. Заранее догадываясь, что там уже нет никакого города, он решил оглянуться, и оказался прав: везде простиралось великолепное море трав. Парень направился к одинокому дереву. Он руками раздвигал высокие, доходившие до груди травы. Слушал деловитое жужжание пчел, отвлекался на беспокойных пестрых бабочек, из-под ног то и дело выскакивали потревоженные лягушки. Он шел неторопливо, наслаждаясь летней, солнечной безмятежностью. И совсем неожиданно оказался возле самого дуба. У Андрея создалось впечатление, что это не он двигался к исполину, а дерево само подступило к нему. Здесь травы были гораздо ниже, под сенью кроны стоял тяжелый стол, а на скамье сидел седовласый старец в белой длинной рубахе, склонившийся над большой толстой книгой.

– Банальный образ, – отметил журналист.

Словно расслышав его дерзкую мысль, старик вскинул на парня светлые глаза. Сощурился лукаво:

– Банально, говоришь?! Ну, тогда пиши сам.

– Что писать? – растерялся парень.

– Это книга судеб, что хочешь, то и пиши.

– Чьих судеб? – тупо переспросил Андрей.

– Ну, чужих я тебе не доверю, а свою собственную можешь посочинять.

Старик протянул журналисту большое белое гусиное перо.

– Присаживайся, начинай.

Лукавый старец растаял в воздухе. Андрей сразу почувствовал себя матерым журналистом и ловким выдумщиком. Он уселся на скамью, схватил перо, поискал глазами чернильницу, придвинул ее к себе и расставил локти на столе, приготовился. Огромный очень толстый фолиант с ослепительно белыми страницами парень даже с места сдвинуть не смог – до того он оказался тяжелым. Пришлось

начинающему писателю подвинуться самому. Он обмакнул перо в ярко-синие чернила, задумался:

– Сейчас, сейчас... чего бы себе напроорочить?..

«...и буду я много писать, – скрипело перо, – и будут мне платить большие гонорары за все, что я пишу... и будут редакторы гордиться тем, что знакомы со мной... и буду я богат, здоров и счастлив...»

Чернила кончились; парень обмакнул перо снова, в задумчивости покусал его кончик. Но в голову пока ничего не шло, кроме профессиональных успехов. Он посмотрел вдаль рассеянным взглядом, неожиданно приписал из озорства:

«...и буду я отлично танцевать...»

Андрей был готов приписать еще что-то, развернуть и обогатить свои смелые планы, но так и замер, широко открыв рот. На голубой безоблачной сини появилась темная точка. Летающий объект приближался и стремительно рос в размерах. Еще через пару минут на травяное море плавно опустился огромный дракон. Аккуратно сложил и прижал к спине темные кожаные крылья. Его чешуя переливалась всеми оттенками голубого и зеленого, на спине топорщился острыми иглами алый гребень. По нему то и дело пробегали яркие стремительные искры, исчезая где-то на кончике длинного хвоста, заостренного, как наконечник гарпуна. Дракон присел на больших задних лапах, передними – с длинными чудовищными когтями – скреб воздух. Разевал пасть, демонстрировал острые зубы, облизывал их длинным темным языком. Огромные черные драконьи глаза внимательно рассматривали окрестности. Он заметил большой стол и маленького журналиста за ним. Парень едва справился с желанием спрятаться от чудовища и заползти под скамью. Дракон вытянул вперед когтистые лапы и длинную шею. Открыл пасть и словно в трубочку дунул на Андрея. Над лугом пронеслась струя пламени. Яркая и страшная – как напалм. Парень ощутил страшный жар и, не сомневаясь больше ни минуты, в мгновение ока оказался под массивной крышкой стола. Выглянув оттуда, он с удивлением обнаружил, что адское пламя не повредило зеленой листвы. Дуб по-прежнему высился – могучий и великолепный. И все же Андрей решил бежать. Как был на четвереньках, скрываясь в высокой траве, он бросился, куда глаза глядят, прочь от странного места. Дракон пронзительно крикнул, словно взвизгнул, и принялся пыхать жаром – снова и снова. Трава полегла от его обжигающего дыхания, образовав перед зверем ровную ярко-зеленую площадку. Парень остался без защиты. Он поднялся на ноги, вдруг почувствовал себя настоящим героем и, гордо выпрямившись, посмотрел прямо на дракона. Но в голове как на зло,

не складывался красивый героический текст. Только крутилась, как заведенная пластинка, последняя фраза, что он написал в книге, – «...буду танцевать».

Итак, идей было совсем немного. И журналист, медленно, неуверенно ступая по зеленому «паркету», начал танцевать. Андрей готов был поклясться, что сразу же услышал громкую зажигательную музыку. Богатые гитарные переборы грянули испанским пасодоблем. Парень старался соответствовать музыке. Горделиво выступал вперед, крутил запястьями, как будто в ладонях были зажаты кастаньеты. Дракон внимательно следил за ним, по-собачьи свесив набок голову, и даже вилял хвостом в такт музыке. Между тем чужеземные мотивы легко перетекли в лихую русскую плясовую. Андрей закидывал руку за голову, отбивал дробный ритм каблуками, только успел поразиться, откуда у кроссовок взялись каблуки. Когда глянул на ноги, у него чуть глаз не выпал: кроссовок и в помине уже не было, их сменили красные сафьяновые сапожки, костюм дополняли синие штаны и белая рубаха с вышивкой. Русская присядка совсем лишила журналиста сил, он запыхался, тяжело переводил дыхание. Музыка сжалилась и, чуть помедлив, полилась, плавно подпевая – раз, два, три... раз, два, три... Мощным плавным потоком полились звуки вальса Штрауса. Андрей стал кружиться в ритме новой мелодии, успев усмехнуться тому, что вальс танцует мужик в народной рубахе. Но по гладкой, как паркет, зелени легко скользили лаковые танцевальные туфли. Особенно журналиста поразил элегантный черный фрак. Свободная мысль тут же порхнула к обязательно необходимой очаровательной партнерше в бальном платье, но додумать не удалось... Танцевальные фигуры привели парня вплотную к крылатому чудищу. Грозный дракон теперь удивительно напоминал заморожено следящего за человеком щенка.

Андрей не удержался и почесал зверя за круглым, как у плюшевого мишки, ухом. Благо громадина сама наклонила голову. На ощупь ящер оказался мягким и теплым. Иглы гребня перестали топорщиться; без воинственных искр зверь казался просто голубым, как детские мягкие игрушки. Он по-прежнему мощно дышал, но без пламени и жара, неожиданно напомнил парню сильного красивого коня. Не успев подумать о последствиях, журналист перекинул ногу и уселся верхом на дракона. Зверь не возражал, легко расправил кожаные крылья, пробежал несколько шагов и взмыл в небо.

У журналиста дух захватило.

– Вот бы написать о таком, жаль, никто не поверит, – с досадой вздохнул он.

Дракон легко и плавно кружил над лугом, над извилистой речкой, поднимался все выше. К немалому удивлению Андрея, ему так нравилось, что он не испытывал никакого страха, даже не пытался ухватиться за толстую голубую шею. Наоборот, журналисту захотелось раскинуть руки и закричать что-нибудь радостное. Он даже не боялся взглянуть вниз – на стремительно удаляющуюся землю. Там, далеко внизу, не было и следа от железобетонной цивилизации XXI века. Золотые пшеничные поля сменялись зелеными густыми дубравами и светлыми березовыми рощами.

– Красота-то какая! – восхищенно завопил парень.

Ему показалось, что дракон согласно хмыкнул. Внизу появилась чистенькая, словно игрушечная деревенька.

– Люди, – обрадовался Андрей и, не задумываясь, скомандовал дракону: – Вниз! Туда!

Крылатое чудо охотно повиновалось. Стремительно спикировало вниз. У неловкого наездника только в ушах засвистело.

– Еще чуть-чуть и свалился бы! Давай следующий раз поаккуратнее! – попросил он дракона, когда тот благополучно опустился на землю на самой середине деревенской улицы.

Журналист принялся поспешно вертеть головой, но так и не сумел углядеть ни одной живой души. Всех словно ветром сдуло. Он слез с драконьей шеи, зверюга по-собачьи сунула большую голову ему под руку. Андрей погладил дракона, сказал ласково, как большому бульдогу:

– Хороший, хороший... Подожди здесь.

И отправился разыскивать местных жителей. Вдоль широкой улицы высились дощатые заборы, парень решил толкнуть ближайшую калитку. Громко скрипнув, она послушно отворилась. Любопытный журналист шагнул на незнакомый двор. Здесь тоже царило безлюдье, но пришедший сразу ощутил на себе чей-то внимательный взгляд. Он резко повернулся к цветущему кусту шиповника, запустил туда руку, но никого не сумел поймать, только поцарапался. Раздосадованный, парень решительно направился к большому сложенному из светлых бревен дому. «Здесь точно кто-то есть, – бурчал он, – вот даже окошко не успели закрыть, ветер занавески колышет».

Журналист весело поднялся по ступеням грубо сколоченного крыльца, окинул себя критическим взглядом, опасаясь новых метаморфоз с одеждой.

– А то вдруг перепугаю народ своим фраком.

К счастью, к журналисту вернулся его прежний вид: кроссовки, джинсы, куртка – все было на месте. Он прошел пустые сени,

заглянул в светлую просторную комнату. Взгляд уперся в белый бок большой печи. Возле нее присела на корточки хрупкая девчушка. Тонкие русые косички, ярко-красный сарафан. Старалась, разводила огонь, но то ли дрова были сырые, то ли день невезучий – работа никак не ладилась. Андрей хотел было вежливо кашлянуть, чтобы его заметили, но замер, совершенно позабыв, зачем пришел. В открытое окно просунулась драконья голова, шея выгнулась, осторожно отодвинула девочку. Та только рот разинула, в голубых глазах застыл ужас. Дракон вытянул черные губы в трубочку, осторожно дунул на дрова; из пасти вырвалось пламя, лизнуло полешки. Печь ровно одобрительно загудела. Доброе чудище исчезло за шторкой. Девочка не поверила тому, что видела, растерянно села на пол, хлопала ресницами. Андрей решил не добавлять ей страхов, тихонько отступил в сени и вышел из дома. Все равно никого из взрослых здесь явно не было.

Он вернулся на улицу к своему добродушному дракону. Его ждал новый повод для удивления. Возле крылатого поджигателя стоял крохотный мальчонка лет четырех в длинной белой рубашонке. Он весьма фамильярно трепал драконье ухо, а тот наклонил голову и только жмурился от удовольствия. Теперь недавнее чудовище больше походило не на собаку, а на кота.

– Пора этому хвостатому дать имя, – неожиданно недовольно буркнул журналист, – я смотрю – он совсем домашний.

Знаток современной психологии поймал себя на том, что почти ревнует прирученного им зверя к тем, кто не знает, какой он был дикий, и не может оценить победы Андрея.

– Ты добрый! – веселым голоском рассуждал тем временем мальчик. – Я говорил, ты не такой, как черный, тот злой и страшный, вот все тебя и боится. А я не боюсь! – радовался он.

Андрей сосредоточился на новой идее, изо всех сил старался придумать для дракона что-нибудь оригинальное. В конце концов, журналист почувствовал себя страшно усталым и бездарным. А мальчик смеялся, обнимал ручонками дракона за шею, поджимал ножки, висел, как медаль, на шее. Дракон осторожно качал головой, устраивал ребенку веселые качели.

– Совсем обнаглел, – фыркнул Андрей, – лучше бы имя моему дракону придумал. «Моему дракону...», – передразнил он сам себя и улыбнулся.

Тем временем над ближайшими заборами стали появляться вихрастые мальчишечьи головы, калитки приоткрывались, за ними толкались, выглядывали в щель любопытные девчонки. Маленький герой не обращал на них внимания, продолжая обниматься с

драконом. Пока откуда-то издали не долетел встревоженный женский голос.

– Прощка! Проща!

На крик обернулось сразу две головы – крохотного смельчака и... дракона. Так зверь сам выбрал себе имя. Вместо того, чтобы умиляться идиллической картине, Андрей старался сохранить хладнокровие. Он первым заметил помеху на безмятежном синем небе. Его красивый цвет замутило, испортило бледно-серое пыльное облачко. Оно стало расти, наполняться мутным, неприятно-сизым цветом, словно кто-то огромный решил вытряхнуть грязный и пыльный коврик. Неясная серая дымка спустилась ниже, опала на землю. В самой середине темным сгустком проявилось длинное извивающееся тело дракона. Уже через мгновение все любопытные головы исчезли, словно испарились. Пропал куда-то и смелый Прощка, и даже его крылатый тезка куда-то подевался. Скорее всего, спрятался за большим овином.

Парень остался одиноко стоять посреди опустевшей деревенской улицы. Он внимательно всматривался в темный силуэт, все еще надеясь, что зверь слишком далеко и вовсе его не заметит. Вскоре уже ясно было видно контрастно-черный силуэт дракона с длинным хвостом и большими крыльями. На удивление, зверь выглядел гладким, даже влажным. Клубившаяся вокруг пыль не оставляла на его масляно-черных боках ни следа. Журналист уже решил, что ящеру до него нет никакого дела. Дракон сложил крылья, гибкой змеей скользнул по земле к одиноко стоявшему бревенчатому колодцу. Опустил в него голову на длинной шее, жадно пил, громко глотая. Когда перестал доставать до воды, зарычал оглушительно. Поднял голову, отправил в небо огненный столб. Новый поток огня осушил остаток воды в колодце. Горячий пар стремительно поднялся вверх. А злющая зверюга поскребла когтями сруб и двинулась к Андрею. Он успел горько пожалеть, что совсем расслабился и потерял бдительность. Как бы ему хотелось сейчас так же, как другие, спрятаться и сидеть где-нибудь в безопасности.

Но искать укрытия было уже поздно. Зверь его заметил, в землю ударил столб рыжего пламени. Андрей отскочил и чуть не попал под новую струю огня.

– Уж лучше стоять на месте, – буркнул он и зажмурился.

Он слышал, как оглушительно громко хлопали крылья. От жуткого рыка мурашки побежали по спине. Андрей решил посмотреть в лицо опасности. У нового дракона вроде бы все было то же самое: большая голова, длинная шея, четыре лапы, крылья, хвост. Но все было по-другому. Морда – узкая, длинная, глаза желтые с

черным змеиным штрихом зрачка, зубы хищно торчали, черная гладкая чешуя лоснилась, словно нефтяное пятно. Тяжелый хвост с двумя короткими острыми шипами на конце нервно поднимал дорожную пыль.

«И что? Перед этим тоже танцевать?!» – раздраженно подумал журналист.

Танцевать не хотелось вовсе. Никакой музыки Андрею не слышалось. Тишина была глухой и вязкой. Ее начинал заполнять мерзкий, как тонкий визгливый звук, страх. Парень, так легко победивший первого дракона, понятия не имел, что делать со вторым. Он начинал паниковать. Словно почуяв это, зверь потянул воздух тонкими ноздрями, запрокинул назад голову... Андрей ждал теперь от него чего-то ужасного. Сжался внутренне. А громадина разинула пасть, вдохнула воздух и... оглушительно чихнула. Дракон весь съежился, сморщился, попятился, наступил на свой длинный хвост, укололся острым шипом, взвизгнул и снова чихнул. Журналиста едва не сдуло, он еле устоял на ногах.

– У него на тебя аллергия, – услышал парень за спиной веселый мальчишечий голос.

Андрей повернулся к нему, готовый огрызнуться. Долговязый худой подросток лет одиннадцати, одетый так же, как остальные местные жители, – в светлую холщовую рубаху с ярким орнаментом, вышитым по вороту и рукавам, штаны и лапти, с невозмутимым видом щелкал семечки.

– А ты что, его не боишься? – усомнился журналист.

– А что его бояться, – пожал плечами мальчишка, – он же смешной.

Грозный дракон действительно был смешон. Андрей не удержался, прыснул смехом. Чудище не переставало чихать, все больше морщилось и пятилось. Пока, запнувшись о хвост, зверь вовсе не повалился на бок. Сразу перестав чихать, он вздохнул с облегчением, прикрыл глаза и задремал устало. Бедняга замучился, даже длинный язык вывалил.

На улицу со всех сторон высыпали дети, они веселились и приплясывали. Пальцами показывали на умирившего самого себя дракона. Андрей смотрел на их веселье и тоже громко смеялся, забыв свои недавние опасения. Один сорванец схватил за руку стоявшего рядом малыша, другой потянул девочку – и пару минут спустя вокруг чудища уже кружился веселый ликующий хоровод.

Журналисту показалось, что дракон приоткрыл желтый глаз, глянул на детей и старательно зажмурился. По гладкой черноте его бока пробежала мимолетная голубая дымка, ее сменила розовая

волна, изумрудная, и вот уже нефтяную гладь его тела сменили радужно-светлые тона. До самого кончика хвоста зверь оказался раскрашен беззаботно и ярко, как на детском рисунке. Какой-то карапуз, такой же крохотный и смелый, как Прохор, решился первым подойти к разноцветному дракону. Он провел рукой по выпуклому лбу и принялся играть длинными ресницами. Андрей готов был поклясться, что видел, как чудовище улыбнулось.

Недавний собеседник Андрея радостно стукнул себя по лбу, словно неожиданно что-то сообразил, и стремительно куда-то убежал. Спустя пару минут он вернулся к мирно спящему чудовищу, неся перед собой большую кадку полную воды. Мальчик шагал медленно, побряхтывая, всем видом показывая, какой тяжелый груз он несет, зато улыбался победно. Он торжественно опустил кадку перед самым носом дракона, тот втянул ноздрями воздух, сразу проснулся и принялся лкать, точно большой теленок. Так ловкий малый приручил громадину.

Дракон, что был ужаснее первого, был больше не опасен.

Воодушевленный и буквально окрыленный победой, Андрей отправился дальше, сам не зная, куда и зачем продолжает путь. Он просто испытывал острое, пьянящее удовольствие, почти восторг от теплых солнечных лучей, ласкового ветерка, полного запахами трав, и беззаботных птичьих трелей. Его переполняла радость, тянула губы в улыбке. Роскошное, полное тысячи оттенков чувство свободы. По венам струилось лучистое яркое счастье. Не то, испуганное, словно украденное, что подарит яркое мгновение и ускользнет юркой змейкой, а то, что заполняет весь мир и не оставляет ни одной тревожной мысли.

Журналист беззаботно шагал по сельской дороге под голубым бездонным куполом неба. Вертел головой, насвистывал, подражая птичьему веселью. Казалось, он все позабыл: недавних грозных чудовищ, бездонную бездну отчаяния с ее черными гранитными стенами, заботы и страхи такой далекой будничной реальности. Вдруг захотелось закричать во все горло или даже громко спеть что-нибудь удалое.

Парень одернул сам себя, снова почувствовал себя взрослым и состоявшимся. Профессиональная привычка подбирать слова вскоре взяла свое. Андрей принялся анализировать происходящее с ним.

– Хочется петь громко, что-нибудь непутевое, – признался он себе, – ничего так расслабился. Наверное, здесь сам воздух такой... вольный.

Профессионал порадовался точному слову. Даже подпрыгнул от восторга.

– Хорошо, что здесь такие драконы; странно, конечно: не зверюги, а ценители искусств: танцы... Хотя смех не искусство. И что этому ящеру так понравилось... подумаешь, все громко смеялись, хотя... давненько я не смеялся в голос. Все как-то не было повода или... просто боялся тормоза отпустить. С танцами тоже... Ну кому могло придти в голову, что я стану так отплясывать?! Ладно, пора становиться нормальным серьезным человеком.

Не успел Андрей вернуться к привычному здравомыслию, как гибкие ветви склонившейся над дорогой ивы закачались и между ними просунулась плоская песочно-желтая морда громадного, как черный дракон, варана. Большой рот с мелкими острыми зубами приоткрылся, выскользнул тонкий раздвоенный язык. Раздалось мерзкое, леденящее душу шипение.

Журналист замер, затаил дыхание. Из кустов показалась когтистая лапа; широко расставляя в разные стороны локти, варан выбрался на дорогу. Эти жители пустынь никогда не казались парню красивыми, но возникший перед ним был особенно безобразным – огромный, с морщинистым горбом. В голове журналиста лихорадочно неслись мысли.

«Это опять дракон! До чего же здесь их много! Ну что мне с ним делать?! Что делать? Что делать? Как его победить?»

Андрей стал перебирать все известные ему истории про драконов, все возможные и невозможные методы борьбы с ними. Свой танцевальный марафон он отменил сразу. Меча у него не было, не то что волшебного, даже самого захудалого. Так что способы былинных богатырей пришлось забыть. В голову непрошенными полезли смешные герои детских мультфильмов. Особенно настойчив был крошка енот, победивший того, кто сидит в пруду. Парень туповато улыбнулся варану. Зверь замер, остановил свое грозное наступление, уставился на «улыбчивого енота» с интересом.

«Так, для одного я танцевал... другому нравилось, когда над ним громко смеются... – соображал журналист, – странные здесь какие-то чудовища. Вот бы знать, чего не хватает этому. Может ему просто спеть?!»

Такая мысль самому журналисту показалось совершенным бредом. Он полагал, что варан требует самого серьезного и героического подхода. Но, так и не придумав ничего другого, Андрей принялся вспоминать хоть какую-нибудь песню. И, не найдя ничего готового, он заголосил на мотив песенки про улыбку:

У дракона жизнь не весела,
Вечно ползать по кустам на брюхе,

А ему лететь бы как пчела,
Не завидовать навозной жирной мухе!..

Пел журналист плохо, зато проникновенно и громко. Уж очень парень боялся, что гадкое чудовище окажется еще и глухим. К счастью, варан внимательно его слушал.

...И тогда наверняка,
Он умчит под облака,
И оттуда зачирикает, как птичка,
А вараны оттого
Злые все до одного,
Вечно ползать – очень вредная привычка...

Текст складывался сам собой, и песня лилась легко и озорно, словно Андрей долго и тщательно готовился заранее. Он уже приступил к третьему куплету и стал опасаться, что его творчество так и не произвело никакого эффекта, когда зверь извернулся, завалился на спину и стал извиваться, словно его кусали сотни муравьев.

«Похоже, и у этого на меня аллергия», – успел отметить певец.

А варан продолжал извиваться, пока неожиданно не вернулся в прежнюю позу, только вместо горба у него на хребте были видны два сморщенных измятых комочка; зверь запрокинул голову, и пораженный журналист увидел, что ящерица вытянула вдоль спины измятые кожаные крылья.

– Вот тебе и варан! – ахнул Андрей. – Это же настоящий дракон.

Тот, кто, казалось, был рожден только ползать, расправил большие полупрозрачные кожаные крылья и стремительно взмыл в небо. Пара кругов над ивой, и в небесной голубизне растаял его след.

Журналист проводил его взглядом, вздохнул глубоко:

– Вот еще одно чудовище победил! – гордо произнес он и сам рассмеялся над своей напыщенностью.

Парень отправился дальше по дороге, но едва обогнул иву, заметил вдали знакомую крону высоченного дуба.

– Его ж тут не было, – возмутился журналист, – я не мог пропустить такое.

Он сразу сошел с дороги и направился к величественному дереву. Сначала расстояние казалось очень внушительным, но он добрался удивительно быстро. Возле могучего ствола все так же стоял большой стол, над ним склонялся седовласый старец, на месте были и толстая книга, и перо, и чернильница. Старик был погружен в работу.

– Эй, дедуля! – фамильярно окликнул его Андрей. – Может, ты мне объяснишь, что здесь происходит.

– Да-а, – покачал головой седобородый, – до чего ж поколение пошло хамское, следовало бы тебя поучить вежливости, ну да успеется еще.

Андрей его не услышал, все продолжал о своем:

– До чего же у вас все здесь странное. А ваши драконы и вовсе чудят.

– Это не мои, а твои драконы, – возразил старец и поднял на собеседника внимательный взгляд, – ты сам их наплодил, напридумал для себя дурацких запретов: «я никогда не танцую...», «громко смеяться в моем возрасте – это глупо...», «я никогда не пою, пусть певцы поют...»

Андрей узнал свои слова, опустил голову.

– Решил быть серьезным человеком?! Но быть серьезным – не значит запретить себе все человеческое. Серьезный и мертвый – вещи разные... вот твои драконы тебя и настигли. Чтоб с любой чернотой справиться, надо красок добавить. Перед сотней житейских радостей ни одно отчаяние не устоит...

Слушал парень мудрого старика и только кивал: он всегда был спорщиком, находил кучу аргументов на любой довод, а теперь и возразить было нечего. Драконов-то он еще мог назвать бредом, но недавнее чувство безмятежного счастья было таким настоящим, таким неоспоримым. Журналист не стал возражать. Поверил. Только решился спросить осторожно:

– А то, что я в книге писал, когда исполнится?

– Да завтра и начнет, – лучисто улыбнулся седобородый.

Андрею хотелось задать еще массу вопросов седому всезнайке, но его неожиданно отвлекли: кто-то сильно толкнул в спину. Журналист вернул равновесие, повернулся к обидчику. Даже кулаки сжал и замер... Голубой дракон игриво боднул его головой и стоял с виноватым видом. Журналист охотно простил зверя и хотел вернуться к прерванному разговору, но на прежнем месте не было уже ни старца, ни стола, ни дуба. Только зеленые волны бежали по заросшему лугу.

– Ох уж мне эти чудеса.

Дракон снова принялся игриво бодаться. Парень отмахнулся от него.

– Отстань, ну чего тебе еще? – внезапно журналиста осенило. – Летать! Я ведь могу с тобой полетать!! Когда еще такая возможность выпадет?!

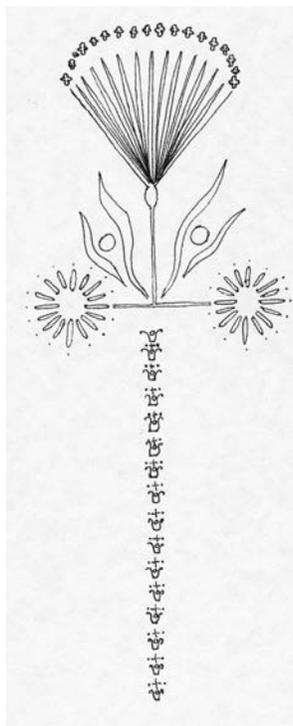
Журналист внимательно посмотрел на голубого дракона: умильная морда, пушистые, совсем как у детских игрушек, круглые ушки. Андрей погладил зверя по большой голове:

– Ну что, летаем напоследок?!

Дракон закивал радостно, подставил спину. Парень бесстрашно забрался на него. Громадные кожаные крылья подняли их в воздух и понесли вдаль. Андрей наслаждался полетом, холодным встречным ветром. Решился отпустить руки, не держаться за гибкую шею, раскинул их, как крылья, махал, словно помогал лететь. Он глянул вниз и ахнул восторженно:

– Какой каньонище! А вон та самая расщелина, на дне которой я валялся! Ух, какая глубокая да темная! А сверху такая маленькая, безобидная щелочка. Выходит, все дело в том, откуда смотреть!

Дракон летел, летел, летел... Белые полупрозрачные облака плавно скользили мимо... Прекрасный населенный драконами мир таял в утреннем тумане...

Оглавление

Память металла	4
Улыбка Алексея Михайловича.....	13
Кто есть кто	28
Тонкая шпага.....	43
После дождя	55

Тираж 50 экз.